68

Голосъ 1875 № 238.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

28-го августа 1875.

«Богъ благословилъ наше оружіе», извѣщаетъ телеграма командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта фон-Кауфмана 1-го. Скопище кокандцовъ въ 30,000 человѣкъ разбито на голову небольшимъ нашимъ отрядомъ. Однихъ пушекъ взято 39, и это можетъ свидѣтельствовать, что непріятельскія полчища были достаточно вооружены, что нетолько дѣло было «сдѣлано чисто», но что оно было нешуточное. Побѣда подъ Махрамомъ стоила намъ, сравнительно, небольшихъ потерь: убиты одинъ штабофицеръ, пять рядовыхъ и одинъ джигитъ, ранены одинъ штабофицеръ и семь нижнихъ чиновъ. Можно предположить, что дѣло не доходило до штыковой схватки, и непріятель бѣжалъ, не выдержавъ натиска нашихъ войскъ, произведеннаго послѣ разрушительнаго дѣйствія скорострѣлокъ. Но, по справедливому заключенію телеграмы, побѣда, одержанная подъ Махрамомъ, должна оцѣниваться нестолько по своимъ военнымъ, сколько по политическимъ послѣдствіямъ. Она должна еще разъ показать сосѣднимъ ханствамъ, что шутить съ русскимъ оружіемъ нельзя, что все существованіе ихъ должно быть направлено не на борьбу съ Россіей, а къ установленію съ нею добрыхъ отношеній. Только при такихъ условіяхъ мыслимо допущеніе независимости сопредѣльныхъ съ нашими владѣніями ханствъ. Мы полагаемъ, попрежнему, что собственно для Кокана такой урокъ является довольно позд-

нимъ, и съ удовольствіемъ узнаемъ, что генерал-адъютантъ Кауфманъ продолжаетъ свое движеніе на Коканъ, не ограничиваясь разгромомъ коканцовъ подъ Махрамомъ. Означенный урокъ можетъ относиться только къ другимъ ханствамъ, какъ напримѣръ, къ Бухарѣ и Кашгару. Оставленіе же независимости Кокана могло бы послужить лишь поводомъ къ возникновенію новыхъ безпорядковъ въ ближайшемъ будущемъ, къ подозрѣнію въ нашей слабости. Наши доблестныя войска слишкомъ для насъ дороги, и не слѣдуетъ допускать, чтобъ кровь ихъ проливалась ради упроченія власти полудикихъ хановъ, неумѣющихъ поддержать порядокъ въ подчиненныхъ имъ странахъ, незнающихъ цѣны заключонныхъ съ ними договоровъ.

По поводу тѣхъ военныхъ дѣйствій, театромъ которыхъ являются, время отъ времени, наши среднеазіатскія владѣнія, невольно рождается вопросъ: насколько внимательно относится къ нимъ наше общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ? Какъ извѣстно, во время хивинской экспедиціи общество это не оставалось въ бездѣйствіи, посылало туда своихъ агентовъ и оказывало дѣйствующимъ отрядамъ ожидаемое отъ него въ подобныхъ случаяхъ содѣйствіе по санитарной части. Но хивинская экспедиція подготовлялась исподоволь; въ ней легко, поэтому, могло выполнить свои прекрасныя обязанности центральное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Въ такихъ же экстраординарныхъ случаяхъ, какъ коканская экспедиція, потребность которой возникла, можно сказать, въ нѣсколько часовъ, подъ вліяніемъ неожиданной необходимости дать отпоръ набѣгу коканцовъ, главное управленіе общества не въ состояніи поспѣть во-время. Задачи его переносятся, такимъ образомъ, всецѣло на мѣстный отдѣлъ. По этимъ причинамъ, было бы очень желательно, чтобъ туркестанскій отдѣлъ общества былъ всегда въ готовности замѣнить на мѣстѣ дѣятельность всего общества, чтобъ онъ обладалъ на то и должными средствами, и необходимыми полномочіями.

Голосъ 1875. № 242.

Въ газетѣ «Times», отъ 9-го сентября, напечатана **передовая статья**, вызванная извѣстіемъ о **побѣдѣ**, одержанной **генераломъ Кауфманомъ надъ коканцами**. Въ статьѣ этой органъ лондонскаго Сити замѣчаетъ, что побѣда, одержанная русскими, составляетъ только повтореніе тѣхъ страшныхъ пораженій коканцовъ, которыми Россія пріобрѣла себѣ власть въ Коканскомъ Ханствѣ. Никто не сомнѣвался въ подобномъ результатѣ, и настоящее значеніе совершившагося событія состоитъ не въ немъ, а въ извѣстіи, что генералъ Кауфманъ намѣренъ идти на столицу ханства, какъ только получитъ провизію и боевые припасы. Значеніе этого извѣстія то, что генералъ Кауфманъ займетъ все ханство и формально присоединитъ его къ владѣніямъ Россіи. Обладаніе Кашгаромъ приведетъ Россію къ самымъ границамъ Китая и откроетъ богатыя торговыя сношенія съ Востокомъ. Когда исчезнетъ и призракъ независимости Кокана и Бухары, генералу Кауфману останется только завоевать Кашгаръ, чтобъ имѣть въ своихъ рукахъ всѣ земли на сѣверъ отъ Аму-Дарьи. Если въ Кашгарѣ очутится въ одинъ прекрасный день русскій гарнизонъ, то Россія сдѣлается обладательницей всей Азіи до границъ Китая на во-

стокъ и до границъ Индіи, Афганистана и Персіи на югъ. Серьёзнымъ препятствіемъ этому явится, однакожъ, человѣкъ, управляющій нынѣ Кашгаромъ. Якубъ-ханъ — одинъ изъ тѣхъ энергическихъ людей и даровитыхъ организаторовъ, которые, отъ времени до времени, нарушаютъ своимъ появленіемъ однообразіе восточной лѣности, слѣпого свирѣпства и обезсиливающей чувственности. Такого человѣка будетъ не такъ легко одолѣть, какъ выродившихся правителей Коканд и Хивы. Онъ—самый грозный изъ враговъ, съ которыми можетъ встрѣтиться генералъ Кауфманъ, и его одолѣютъ только послѣ отчаяннаго сопротивленія съ его стороны. Тѣмъ неменѣе, вся его даровитость, энергія и одержанныя имъ до сихъ поръ побѣды не дадутъ ему возможности вести съ успѣхомъ борьбу съ Россіей. По поводу того же извѣстія, газета «Daily News», отъ 9-го сентября, говоритъ, что, еслибъ Англія была естественною покровительницей узбекскихъ государствъ Средней Азіи, какъ это утверждаютъ нѣкоторые изъ наиболѣе искусныхъ совѣтчиковъ англійскаго правительства, и еслибъ государства эти были естественными союзниками Англіи, то теперь наступило бы время дѣйствовать на основаніи такого убѣжденія. Если приближеніе русскихъ къ границамъ Афганистана составляетъ столь нежелательный фактъ, какъ это соображаютъ нѣкоторые изъ англо-индійцевъ, то верховенство Россіи надъ Коканомъ, которое доказано нынѣ съ такою силой и которое каждую минуту можетъ превратиться въ полное обладаніе, должно возбуждать сильныя опасенія въ Англіи. Англичане, однакожъ, уже привыкли смотрѣть на приближеніе русскихъ къ Индіи съ значительнымъ равнодушіемъ, какъ на фактъ, съ которымъ слѣдуетъ примириться и который вовсе не такъ страшенъ, какъ думаютъ нѣкоторые. Россія двигается впередъ быстро, но съ каждымъ новымъ своимъ шагомъ она все болѣе и болѣе заботится о сохраненіи мира съ Англіей.

Голосъ 1875 № 244.

По поводу событій въ Коканѣ.—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

3-го сентября 1875.

Среднеазіатскій вопросъ, въ послѣднее десятилѣтіе, занялъ немаловажное мѣсто въ ряду тѣхъ вопросовъ, которыми живо интересуется наше общественное мнѣніе. До покоренія Ташкента, Средняя Азія представлялась страной, совершенно неизвѣстною, очень отдаленною и неимѣющею ничего общаго съ судьбой нашего государства. Ею интересовался незначительный кружокъ ученыхъ. Начиная съ 1865 года, интересъ къ Средней Азіи значительно возростаетъ. Хивинскій походъ возбудилъ до чрезвычайности вниманіе образованнаго общества ко всему, что происходитъ на новой окраинѣ нашей имперіи. Происходящія нынѣ событія въ Коканскомъ Ханствѣ еще болѣе усилили интересъ къ среднеазіатскому вопросу.

Такое вниманіе къ Туркестану имѣетъ свои весьма серьёзныя причины. Наше движеніе въ глубь Средней Азіи—историческая необходимость, которую мы не въ силахъ устранить. Покоряя осѣдлыя области Средней Азіи, укрѣпляясь на берегахъ Сыра и Аму, мы прочно охраняемъ наши государственныя границы на востокѣ. Съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ, Россія испытала тяжкое положеніе. Событія пугачовскаго бунта ясно указали на существованіе у насъ на востокѣ горючаго матерьяла, воспламеняющагося отъ малѣйшей искры и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, распространяющаго пожаръ на обширное пространство имперіи. Почти одновременно съ этимъ бунтомъ, юговосточнымъ границамъ нашей имперіи грозило вторженіе значительныхъ скопищъ азіатскихъ народовъ. Извѣстно, что въ дѣлѣ Пугачова инородцы принимали самое дѣятельное участіе. Участіе это обусловливалось особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть нашихъ инородцовъ, населяющихъ востокъ, проникнуты духомъ демократіи и чрезвычайно преданы бродяжничеству. Непринадлежащіе къ русской семьѣ, неимѣющіе ничего общаго съ нашими чисто-русскими интересами, фанатики по духу мусульманской религіи, инородцы нашего востока представляютъ собою элементъ, весьма опасный для имперіи. Времена Чингиза и Тамерлана живо сохраняются въ памяти большей части нашихъ инородцовъ-мусульманъ. Само собою разумѣется, событія XIII и послѣдующихъ вѣковъ не могутъ повториться въ томъ видѣ, какъ они происходили; но нельзя отвергать вполнѣ опасность, сила которой можетъ обнаружиться въ тяжолыя эпохи, которыя выпадаютъ на долю каждой націи. Что народы Средней Азіи еще питаютъ надежду возвратить себѣ времена ихъ славныхъ завоевателей—можно видѣть изъ того, что многіе изъ хановъ даже нынѣшняго столѣтія мечтали сдѣлаться всемірными завоевателями. Въ настоящее время, кашгарскій правитель, энергическій и ловкій Якубъ-бекъ, становится главой мусульманъ Средней Азіи, ведетъ борьбу съ Китаемъ, расширяя предѣлы своихъ обшир-

ныхъ владѣній, и кто знаетъ, какія мысли таитъ онъ? Сосѣдъ восточныхъ частей Коканскаго Ханства, Якубъ-бекъ, имѣетъ большое вліяніе на кипчаковъ и кара-киргизовъ этого ханства и, по всей вѣроятности, принималъ участіе въ послѣднихъ событіяхъ, которыя произошли въ Коканѣ. Что это вѣроятно, видно, между прочимъ, изъ того, что, въ 1871 году, когда генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й предлагалъ союзъ съ Коканомъ противъ Якуба-бека, посланный Худояра-хана заявилъ, что союзъ невозможенъ, такъ какъ войска Худояра ненадежны и, въ случаѣ войны съ Якубомъ-бекомъ, перейдутъ на его сторону. Глава нынѣшняго возстанія кипчаковъ, Абдрахманъ-Автобачи, въ письмѣ, присланномъ на имя туркестанскаго генералъ-губернатора послѣ бѣгства хана изъ Кокана, между прочимъ, пишетъ: «*Кипчаки, стоявшіе по правую и по лѣвую руку Чингизъ-хана, заняли теперь Коканъ*». Въ словахъ этихъ выражается много гордости, и ясно обнаруживается надежда на возвращеніе завоеваній, нѣкогда сдѣланныхъ знаменитымъ предводителемъ монголовъ.

Послѣднія событія въ Коканѣ обнаруживаютъ значительную энергію узбекскаго населенія. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, въ ханствѣ произведенъ переворотъ. Защитниками революціи являются узбеки, а въ главѣ ихъ кипчаки. Въ нѣсколько дней собрались десятки тысячъ вооружонныхъ людей, часть которыхъ осмѣлилась перейти русскія границы. Въ данномъ случаѣ опасность не представлялась серьёзною: наши войска занимали въ краѣ свои постоянныя квартиры. Совершенно не то было бы, еслибъ кипчаки произвели такую революцію въ 1873 году, когда на Сыр-Дарьѣ, вслѣдствіе хивинскаго похода, было расположено меньше войскъ.

Еще въ 1873 году, во время хивинскаго похода, кипчаки подняли голову и задумали низвергнуть владычество ненавистнаго имъ Худояра-хана. Въ 1874 году, произошло новое возмущеніе, которое едва не привело къ желаемому концу. Вся во-

сточная часть ханства была въ огнѣ: заняты были города Узгенчь и Ошъ. Худояръ-ханъ готовился къ бѣгству. Всѣмъ дѣломъ заправлялъ Абдрахманъ-Автобачи, сынъ убитаго Худояромъ Мусульмана-Кула.

Съ давнихъ временъ существуетъ страшная вражда между кипчаками и Худояромъ-ханомъ. Отношенія Худояра къ узбекскому населенію ханства изложены въ достаточной подробности въ статьѣ г. Соболева, помѣщонной въ № 243-мъ «Голоса». Добавимъ къ этой статьѣ одну историческую подробность, нелишонную интереса и объясняющую одну изъ главныхъ причинъ нынѣшней революціи въ Коканѣ. Мусульманъ-Кулъ, давшій Худояру въ управленіе ханство, по происканъ партіи сартовъ и вслѣдствіе личной къ нему непріязни хана, въ 1853 года, былъ казненъ. Партія узбековъ пала. Худояръ приказалъ «*стереть съ лица земли всѣхъ кипчаковъ*». Кипчаковъ погибло до 20,000 человѣкъ. Въ день казни, Мусульманъ-Кулъ былъ выведенъ на высокое мѣсто, устроенное въ видѣ эшафота. Онъ былъ закованъ въ цѣпи. Внизу эшафота, въ глазахъ Мусульмана-Кула, рѣзали плѣнныхъ кипчаковъ. Улицы и площади обагрились кровью и наполнились трупами казненныхъ. Мусульманъ-Кулъ, нетерявшій мужества, обратился къ собравшемуся народу съ слѣдующими словами: «Коканцы!» воскликнулъ онъ: «вы—народъ безпокойный, привыкшій къ варварскому кровопролитію; я васъ не угнеталъ и вашихъ хановъ обучалъ человѣколюбію. Искоренить родъ (кипчаковъ) и поколѣніе трудно». Многіе плакали. Когда начали рѣзать головы людямъ, за которыми не считалось никакой вины, Мусульманомъ-Куломъ овладѣло мучительное чувство. Старикъ не выдержалъ; онъ рвался и умолялъ: «Убейте меня скорѣе; ради Бога, убейте». Рука палача отрѣзала ему голову, и не стало сильнаго и знаменитаго представителя кипчаковъ. Вскорѣ послѣ казни Мусульмана-Кула, Худояръ былъ изгнанъ изъ своего ханства старшимъ своимъ братомъ, Маля-бекомъ, ставшимъ во главѣ узбековъ. Послѣднее, третье, его ханствованіе снова кончилось, и на этотъ разъ безвозвратно, по милости кипчаковъ. Молодое поколѣніе

этого рода узбековъ, во главѣ Абдрахмана-Автобачи, отмстило Худояру за всѣ его жестокости и за развратное его поведеніе, которое презирается узбеками, неуспѣвшими осартиться, и которое такъ присуще партіи сартовъ.

Волненіе кара-киргизовъ, начавшееся въ августѣ 1874 года, въ сѣверозападной части ханства, на Чаткалѣ, хотя и было подавлено въ концѣ года, но возбужденное состояніе населенія ханства не улеглось вполнѣ, несмотря на казнь Худояромъ четырнадцати человѣкъ. Волненіе между кочевниками, въ 1874 году, произошло какъ отъ жестокаго и дурного управленія, такъ и отъ подстрекательствъ лицъ, окружавшихъ хана. Съ увѣренностью можно сказать, что ни одинъ изъ окружающимъ хана не чувствовалъ къ нему истинной преданности. Въ этомъ случаѣ, они платятъ своему повелителю его же монетой, потому что и Худояръ-ханъ ни къ кому искренно не расположенъ и не съумѣлъ привязать къ себѣ ни единаго человѣка. Худояръ-ханъ постоянно играетъ двуличную роль, т. е. говоритъ одно, а думаетъ другое. Онъ весьма высокаго мнѣнія о своемъ положеніи и нисколько не хочетъ понять, что обязанъ сохраненіемъ за нимъ власти до настоящаго времени единственно поддержкѣ Россіи; самообольщеніе его доходитъ до того, что онъ всегда старался увѣрить своихъ приближонныхъ, будто бы русскіе за искиваютъ его дружбу. Окружающія хана лица добивались низложенія хана, такъ какъ его управленіемъ всѣ равномѣрно тяготились. Во главѣ поджигателей возстанія стоялъ нынѣшній глава революціи, Абдрахманъ-Автобачи, лицо, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Сынъ Мусульмана-Кула, горячій защитникъ кипчаковъ, Абдрахманъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души Худояра-хана. Желая во что бы то ни стало отмстить хану за своего отца и за избіеніе кипчаковъ, онъ съумѣлъ, своимъ ловкимъ поведеніемъ и умомъ, сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ для хана. Возбуждая населеніе къ возстанію, онъ, когда видѣлъ, что дѣло не можетъ быть выиграно, усмирялъ самое возстаніе и потомъ снова начиналъ интригу. За усмиреніе киргизскаго бунта прошлаго года, имъ же возбуж-

деннаго, онъ былъ награжденъ высокимъ чиномъ перваначи. Ненависть къ хану до такой степени была сильна, что населеніе, еще въ прошломъ году, готово было возбудить войну между Коканомъ и Россіей, чтобъ хоть этимъ средствомъ добиться освобожденія отъ управленія Худояра. Осѣдлое населеніе наравнѣ съ кочевниками тяготилось положеніемъ дѣлъ въ ханствѣ, и, если между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, чтобъ они относились враждебно одно къ другому: подобныя отношенія существуютъ только между главными представителями этихъ народностей, а хлѣбопашецъ или работникъ вполнѣ сочувствуетъ кочевнику, живущему своими стадами. Киргизы, владѣя громадными табунами, въ случаѣ неудачи возстанія, во всякій данный моментъ перекочовываютъ въ наши предѣлы. Осѣдлое же населеніе, не будучи столь подвижнымъ и не располагая подобными перевозочными средствами, было бы осуждено на мѣстѣ выжидать своей участи, и ему, безъ сомнѣнія, пришлось бы испытать всю тяжесть мести и гнѣва Худояра-хана.

Въ іюлѣ нынѣшняго года, кипчаки и кара-киргизы снова начали возстаніе. На этотъ разъ имъ посчастливилось. Войска хана, посланныя подъ начальствомъ Абдрахмана, перешли на сторону инсургентовъ. Ханъ, оставленный всѣми, бѣжалъ въ Ходжентъ подъ защиту русскихъ. Претендентомъ на ханство явился старшій сынъ Худояра, Сеидъ-Нассыр-Эддинъ-бекъ-Ханзадэ. Это—человѣкъ любознательный и, повидимому, стремящійся къ прогресу, но трудно предсказать, останется ли онъ таковымъ, ставъ ханомъ. До послѣдняго времени, Ханзадэ, равно какъ и всѣ другіе приближенные, былъ крайне стѣсненъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; при полновластіи же, онъ легко можетъ измѣниться. Нассыр-Эддинъ-бекъ не разъ заявлялъ, что имѣетъ сильное желаніе съѣздить въ Петербургъ и удостоиться чести быть принятымъ Государемъ Императоромъ, но не рѣшался просить объ этомъ Худояра-хана. Немедленно

по изгнаніи Худояра, Ханзадэ послалъ генерал-адъютанту фон-Кауфману 1-му письмо, въ которомъ онъ объяснилъ происшедшую революцію. Вожди возстанія, съ своей стороны, извѣстили о томъ же главнаго начальника Туркестана. Генерал-адъютантъ фон-Кауфманъ 1-й, не желая начинать войну съ Коканомъ и предполагая признать ханомъ Ханзадэ, послалъ въ Коканъ ультиматумъ, въ которомъ требовалъ:

1) принятія договора, заключеннаго съ Худояромъ;

2) удовлетворенія нашего посольства, и купечества *) за причиненные имъ возстаніемъ убытки и

3) назначенія пенсіи Худояру

Между тѣмъ, дѣла приняли весьма серьёзный оборотъ. Возставшіе въ ханствѣ не ограничились одними внутренними смутами: они перенесли свои дѣйствія за предѣлы ханства, въ наши уѣзды. 8-го августа, партія кипчаковъ перешла русскую границу и появилась у селенія Аблыки; партія эта сторожила проѣздъ Худояра, который ѣхалъ въ Ташкентъ. Въ ту же ночь, изъ Ташкента выступилъ, съ четырьмя казачьими сотнями, генерал-майоръ Головачевъ, командующій войсками Сыр-Дарьинской Области, и направился въ Теляу, пограничное съ Коканомъ укрѣпленіе. Въ восемь часовъ утра, 9-го августа, изъ Ташкента выступилъ 2-й стрѣлковый батальйонъ, въ четыре часа пополудни—1-й стрѣлковый батальйонъ. Этимъ начался коканскій походъ. Коканцы вторглись въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ Кураминскій уѣздъ, чтобъ взволновать жителей. Но это имъ не удалось. Главная партія ихъ, въ числѣ 5,000 человѣкъ, была вскорѣ разбита, другая, въ 800—уничтожена; остальныя партіи перевалили обратно черезъ горы и ушли въ коканскіе

*) По полученнымъ нами частнымъ свѣдѣніямъ, русскіе торговцы и купцы, проживавшіе въ Коканѣ и другихъ городахъ ханства, потеряли все имущество. Особенно пострадалъ купецъ Пупышевъ, торговавшій краснымъ товаромъ: всѣ склады его въ Коканѣ разграблены, и прикащики его едва успѣли спастись бѣгствомъ.

предѣлы. Главный ударъ коканцы направили на Ходжентъ. Большими массами они напали съ разныхъ сторонъ на городъ и окружающіе его сады. Ходжентскій гарнизонъ, усиленный тремя ротами изъ Ура-Тюбе, отбилъ нападеніе на всѣхъ пунктахъ и, перейдя въ наступленіе, прогналъ непріятеля заграницу. На Ура-Тюбе тоже произведено было нападеніе. Такимъ образомъ, начало враждебныхъ дѣйствій произошло въ предѣлахъ имперіи. 21-го августа, близъ крѣпости Махрамъ, коканцы были жестоко наказаны за дерзость. Погромъ былъ страшный. Онъ долженъ отозваться за горами, во владѣніяхъ Якуба-бека кашгарскаго. Этимъ дѣломъ сдѣлано первое серьёзное предостереженіе честолюбивому правителю Алтышара.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что лично Ханзадэ нимало не виновать въ нападеніи на наши предѣлы. Главный виновникъ этого нападенія, Абдрахманъ-Автобачи, силой, вѣроятно, привлекъ Ханзадэ на свою сторону. Если эти предположенія оправдаются, то останется только признать ханомъ Ханзадэ и допустить его до управленія ханствомъ, причомъ, однако, для будущаго спокойствія нашихъ границъ, все таки, необходимо заручиться какими-нибудь гарантіями, чтобъ, въ случаѣ новаго возстанія, имѣть возможность одолѣть его или, во всякомъ случаѣ, не допустить новыхъ вторженій въ русскіе предѣлы со стороны Кокана.

Что же касается самого хана, пріобрѣвшаго ханство нынѣшнею революціей, то если Сеидъ-Нассыр-Эддинъ-бекъ-Ханзадэ съумѣетъ упрочить свое новое положеніе въ ханствѣ, коканскій походъ можно считать покончennымъ; если же Абдрахманъ-Автобачи и другіе вожди возстанія не помирятся съ такимъ положеніемъ дѣлъ, нашимъ войскамъ придется имѣть дѣло съ кипчаками, подобно тому, какъ, въ 1873 году, послѣ взятія Хивы, пришлось имѣть дѣло съ туркменами.

Таковы, въ общихъ чертахъ, событія нынѣшняго коканскаго похода. Россія еще разъ доказала, что за всякое насиліе со стороны среднеазіатцовъ она съумѣетъ отпла-

93

Голос. 1875 г. № 250.

«Туркестанскія Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія подробности **о происшествіяхъ въ Коканѣ:**

«11-го іюля, чиновникъ по дипломатической части при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, коллежскій совѣтникъ Вейнбергъ, вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Скобелевымъ, коканскимъ уполномоченнымъ Мирзою-Хакимомъ-Перваначи и конвоемъ изъ 22-хъ казаковъ и шести джигитовъ, былъ командированъ въ Коканъ для исполненія дипломатическихъ порученій. 13-го іюля, всѣ вышеименованныя лица достигли Кокана, гдѣ черезъ два дня представлялись хану. При нихъ же слѣдовалъ молодой родственникъ хана, Абду-Керимъ-бекъ, выданный коканскому правительству, согласно распоряженію генералъ-губернатора, за принятое имъ участіе въ возмущеніи киргизовъ противъ коканскаго хана. А. А. Вейнбергъ передалъ хану письмо генералъ-губернатора и заявилъ ему также словесно, «что туркестанскій генералъ-губернаторъ надѣется на полное помилованіе Абду-Керима-бека, провинившагося предъ ханомъ по молодости и неопытности». Ханъ, безъ всякихъ отговорокъ, согласился на это предложеніе; онъ приказалъ надѣть своему молодому родственнику почетный халатъ и поручилъ его попеченію Ата-бека наиба. На поѣздку полковника Скобелева по ханству для его изслѣдованія ханъ также изъявилъ полное свое согласіе, снабдилъ полковника Скобелева палаткой и назначилъ 20 человѣкъ джигитовъ для сопровожденія въ предѣлахъ ханства. При этомъ Худояръ, однако, предупредилъ, что мѣстность за Ушемъ небезопасна, вслѣдствіе волненія кочевого населенія, вызваннаго появленіемъ на каратегинской границѣ племянника хана, Назара бека, сѣжавшаго изъ Бухары, и прошлогодняго претендента на Чаткалъ, Сеида-Фулада-хана, въ окрестностяхъ Узгента. Противъ этихъ шаекъ были высланы три отряда подъ начальствомъ Исса-Ауліе, Абду-Рахмана-Автобачи и Сарымсака-Ишикъ-Агаси, всего до четырехъ тысячъ человѣкъ. Чтобъ очертить послѣдующія затѣмъ событія, мы приведемъ подлинный рапортъ коллежскаго совѣтника Вейнберга.

«Чрезъ два дня послѣ представленія — пишетъ г. Вейнбергъ — пришло тревожное извѣстіе, весьма скоро подтвердившееся, что Исса-Ауліе и Абду-Рахманъ, съ ввѣренными имъ отрядами, перешли на сторону мятежниковъ и намѣрены дѣйствовать наступательно противъ хана. Несмотря на столь грозъ-

ный слухъ, полковникъ Скобелевъ сталъ готовиться къ дорогѣ и намѣренъ былъ выступить 18-го іюля, для выполненія возложеннаго на него порученія. Я, съ своей стороны, считалъ долгомъ испросить у хана частную аудіенцію, во время которой передалъ Худояру-хану словесное порученіе генералъ-губернатора, касательно образа дѣйствій хана съ подвластными ему кочевниками и народомъ. Ханъ былъ видимо озабоченъ дурными вѣстями изъ провинцій, но, всетаки хотѣлъ скрыть настоящее положеніе дѣлъ и увѣрялъ, что безпорядки въ ханствѣ никогда не имѣли серьёзнаго характера, а скорѣе походили на мелкіе грабежи и разбои, свойственные всякому кочевому населенію. Онъ нѣсколько разъ подтверждалъ, что любитъ и уважаетъ генералъ-губернатора и не видитъ перемѣны въ его образѣ дѣйствія; въ случаѣ же необходимости, не только готовъ посовѣтоваться съ нимъ о мѣрахъ къ подавленію безпорядковъ, но и позволитъ себѣ просить помощи. Вообще же, замѣтна была большая уступчивость во всѣхъ отвѣтахъ, хана; онъ говорилъ мягко и осторожно и находился видимо подъ впечатлѣніемъ дурныхъ извѣстій. Событія не заставили себя ждать; 19-го іюля, въ Коканѣ сдѣлалось извѣстно о переходѣ Ханазаде-Наср-Эдина-бека на сторону инсургентовъ и о занятіи ими городовъ: Уша, Намангана, Андиджана и Ассаке. Душою инсурекціоннаго движенія явился смѣлый кипчакъ Абду-Рахманъ Автобачи, сынъ Мусульмана-Кула. Ханъ тогда же сообщилъ намъ, что Автобачи намѣренъ былъ придать этому движенію характеръ священной войны противъ русскихъ. Я тогда сильно сомнѣвался въ истинѣ подобнаго заявленія, но послѣдовавшія затѣмъ событія заставили меня вѣрить во враждебное къ намъ настроеніе народа и войска. Въ виду всеобщаго возстанія и пересѣченія главныхъ путей сообщенія, полковникъ Скобелевъ рѣшился отложить свою поѣздку до болѣе благопріятнаго времени. Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Коканѣ, полковникъ Скобелевъ снялъ планъ всей оборонительной линіи города; сверхъ того, онъ часто объѣзжалъ городъ какъ одинъ, такъ и со мной, для наблюденія нравственнаго настроенія населенія. Извѣстіе о приближеніи инсургентовъ сильно повліяло на жителей: базары затворялись, товары перевозились въ болѣе отдаленныя отъ центра города мѣста, на всѣхъ перекресткахъ видны были дуваны (юродивые) и дервиши, проповѣдывавшіе народу; но рѣчь ихъ была не слышна, подъѣзжать же къ образовавшимся около юродивыхъ кучкамъ было неудобно. Жители

покупали оружіе, и вся масса имѣла видъ озабоченный и встревоженный. Кромѣ шорныхъ, оружейной и кузницъ, все было заперто. На возвратномъ пути отъ дворцовой площади, мы встрѣтили Мулла-Маруфа сохскаго бека, во главѣ пятисотеннаго отряда, идущаго на соединеніе съ ханомъ.

«20-го іюля пришло извѣстіе о переходѣ правителя Маргилана, брата хана, Султана-Мурада-бека на сторону мятежниковъ, о занятіи бунтовщиками города Маргилана и о движеніи ихъ на Алты-арыкъ, въ семи ташахъ отъ Кокана. Волненіе въ городѣ все усиливалось, и ходили слухи, что мятежники намѣрены разграбить базары и напасть на насъ. Ханъ, поражонный столь грозными вѣстями, рѣшился тогда оставить Коканъ, въ которомъ не могъ разсчитывать на симпатію народа. Посовѣтовавшись съ полковникомъ Скобелевымъ, я нашолъ, что мѣсто наше должно быть при законномъ, признанномъ Государемъ Императоромъ, владѣтелѣ Кокана. Въ городѣ оставаться намъ было невозможно, вслѣдствіе возбужденнаго состоянія народа, да и, сверхъ того, мы не знали, какой оборотъ могутъ принять дѣла по вступленіи инсурекціоннаго войска въ Коканъ. Законный ханъ рѣшился оставить городъ, и я не считалъ себя вправѣ оставаться послѣ этого въ Коканѣ и входить въ какія бы то ни было сношенія съ мятежниками. При этомъ, однако, я просилъ полковника Скобелева, принявшаго начальство надъ сопровождавшимъ насъ взводомъ казаковъ, воздержаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ инсургентовъ и не считать насъ союзниками хана, до полученія отвѣта на мое донесеніе и на письмо хана, въ которомъ онъ отдавалъ себя и ханство свое подъ высокое покровительство Государя Императора и просилъ объ оказаніи ему помощи вооружонною силой. Выѣздъ хана былъ назначенъ на 22-е іюля, а 21-го, вечеромъ, всѣ находившіеся при насъ ханскіе джигиты неожиданно оставили нашъ домъ, похитивъ при этомъ часть посуды. Такимъ образомъ, квартира наша въ домѣ Мирзы-Хахима-Первanaчи осталась безъ всякой защиты правительственныхъ войскъ и находилась единственно подъ охраной горсти русскихъ.

«Всю ночь гулъ стоялъ надъ городомъ; отъ времени до времени слышались звуки барабановъ и звонкіе сигнальные рож-

ки. Поднявшись съ зарею, А. А. Вейнбергъ и полковникъ Скобелевъ узнали, что половина находившагося въ городѣ ханскаго войска (около 4,000 человѣкъ пѣхоты), вмѣстѣ со вторымъ сыномъ хана Мухамедомъ-Аминомъ-бекомъ, въ эту ночь также удалились изъ столицы, для присоединенія къ возставшимъ.

«Наканунѣ еще находящіеся въ городѣ русскіе подданные были предупреждены, что посольство оставляетъ Коканъ вмѣстѣ съ ханомъ, причомъ предложено имъ присоединяться къ намъ. Четыре человѣка русскихъ купцовъ: довѣренные двухъ фирмъ Пушшевыхъ, Быковскаго, Коншина, австрійскій подданный Мауеръ и одинъ татаринъ, довѣренный братьевъ Каменскихъ, всего девять человѣкъ, съ прислугой, немедленно воспользовались этимъ предложеніемъ. Остальные же мусульмане, русскіе подданные, остались въ Коканѣ. Для выступленія нашего требовались арбы, которыя съ трудомъ можно было достать и то въ недостаточномъ числѣ; вмѣсто семи, мы достали только три арбы, такъ что арбяныя лошади наши съ трудомъ двигались впередъ. Предъ выступленіемъ я отправилъ джигита съ телеграмой къ генералъ-губернатору и съ письмомъ къ военному губернатору Сыр-Дарьинской Области; джигитъ этотъ былъ перехваченъ въ Канибадамѣ, арестованъ, и корреспонденція отнята; самъ же онъ спасся бѣгствомъ, пѣшкомъ въ Ходжентъ. Въ этотъ день передовой отрядъ Абду-Рахмана Автобачи дошолъ до урочища Караул-Тепе, въ трехъ ташахъ отъ Кокана. Въ 10 часовъ утра того же числа, ханъ намѣревался двинуться изъ города, и намъ необходимо было рѣшить, пойдемъ ли мы изъ дома Мирзы-Хакима на соединеніе съ Худояромъ на Дворцовую Площадь, или же оставимъ городъ одни, изъ ближайшихъ воротъ. Посовѣтовавшись съ полковникомъ Скобелевымъ, мы нашли болѣе совмѣстнымъ съ русскимъ именемъ и честью придержаться перваго порядка выступленія, а потому вмѣстѣ съ русскими купцами двинулись чрезъ людныя улицы и базары ко дворцу хана. На встрѣчу намъ шло ханское войско: пѣхота и кавалерія, направлявшаяся на позицію, внѣ города; артилерія уже была отправлена впередъ еще рано утромъ. Войска двигались посединѣ улицы; по обѣимъ же сторонамъ стоялъ шпалерами народъ, вооружонный батиками, палками и съ камнями въ рукахъ. Приходилось проходить по одному, весьма медленно подвигаясь впередъ и останавливаясь чрезъ каждые

15—20 шаговъ. Недалеко отъ дворцовой площади, народъ и войско до того скучились, что невозможно было двигаться. Мы остановились. Одинъ изъ проходившихъ мимо насъ, съ отрядомъ кавалеріи, юз-баши, посмотрѣвъ въ нашу сторону, съ улыбкой проговорилъ: «проходите, проходите; мы потомъ со всѣхъ васъ снимемъ головы». Въ этотъ же моментъ за мной послышался голосъ полковника Скобелева, просившій меня скорѣе двинуться впередъ. Воспользовавшись небольшимъ интерваломъ между войскомъ и народомъ, я проѣхалъ впередъ, и вскорѣ всѣ мы вытянулись на площадь и выстроились передъ ханскимъ дворцомъ. Впослѣдствіи я узналъ, что причина, побудившая полковника Скобелева къ скорѣйшему движенію впередъ, на площадь, заключалась въ столкновеніи, происшедшемъ между казакомъ и однимъ изъ жителей. Коканецъ ударилъ казака палкой, а казакъ взялся за шашку; но, къ счастью, полковникъ Скобелевъ остановилъ во-время казака, и вышелъ изъ тѣснаго прохода.

«Вскорѣ по прибытіи русскихъ на площадь, выѣхалъ ханъ изъ дворца въ сопровожденіи Ата-бека-наиба, Мирзы-Хакима-Перваначи, Моллы-Маруфа и небольшой свиты. Владѣтель Кокана, оставлявшій свой родовой замокъ, былъ, повидимому, спокоенъ. Онъ съ четверть часа простоялъ подъ сводомъ главныхъ воротъ, отдавая послѣднія приказанія, послѣ чего сѣлъ на коня, и поѣздъ двинулся. Изъ города вышли въ муй-мебаренскія ворота. Народъ, стоявшій, попрежнему, на пути большими массами, не рѣшался предпринять открыто что-нибудь враждебное; но изъ толпы раздавались голоса, предсказывавшіе всѣмъ путь въ могилы. Ханъ, въ случаѣ крайности, вѣроятно, уже тогда предрѣшилъ двинуться къ русской границѣ, но не рѣшался направиться на ворота Катта-Газы-Алыкъ, ведущія на махрамскую дорогу, изъ опасенія, что народъ его не выпуститъ. Когда же онъ пошолъ на Муй-Мебарекъ, то всѣ полагали, что ханъ идетъ на позицію, чтобъ выждать тамъ мятежниковъ и сразиться съ ними. Очень можетъ быть, что Худояръ ханъ и рѣшился бы на подобный бой, еслибъ не былъ оставленъ въ восьми верстахъ отъ Кокана, самымъ постыднымъ образомъ, своею арміей со всею артилеріей. По выходѣ изъ муй-мебаренскихъ воротъ, мы пошли по ровной луговой мѣстности, пересѣченной быстрыми ручьями. Справа тянулись изгороди садовъ.

Чрезъ пять верстъ характеръ мѣстности измѣнился; галька и песокъ замѣнили травяной коверъ, и, пройдя еще версты три, мы остановились у опушки кустарника, на позиціи Гау-Хане. Шестьдесятъ восемь орудій разнаго калибра, въ числѣ которыхъ были четыре орудія, заряжающіяся съ казенной части, около 4,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи составляли силы хана коканскаго. Разбили шатры и занялись варкой пищи. Въ это время прибылъ къ намъ Мирза-Хакимъ и предложилъ, отъ имени хана, принять въ наше распоряженіе, сколько мы пожелаемъ, орудій. Озабочиваясь возможностью труднаго отступленія къ русскимъ предѣламъ, по разбитіи ханскихъ войскъ мятежниками, мы рѣшились благодарить хана за предложеніе и просить назначить намъ два легкія орудія, по выбору полковника Скобелева. При этомъ я счолъ своимъ долгомъ заявить полковнику Скобелеву, что я могу согласиться на дѣйствіе этихъ орудій только для нашей личной защиты. Заявить объ этомъ хану мы рѣшились, по полученіи орудій, только во время дѣла, еслибъ отъ него послѣдовало приказаніе открыть огонь. Во время стоянки повторился случай, еще разъ доказывающій, насколько враждебно настроено противъ русскихъ ханское войско. Я шолъ съ полковникомъ Скобелевымъ вдоль артилерійской позиціи; на встрѣчу намъ проскакалъ артилерійскій офицеръ, и нетолько не посторонился, но намѣренно направилъ лошадь такъ, чтобъ сбить насъ съ ногъ. Когда мы посторонились, то были встрѣчены дружнымъ смѣхомъ окружавшихъ его товарищей. Не считая возможнымъ оставить подобную выходку незамѣченною, я, въ сопровожденіи полковника Скобелева, немедленно отправился къ Ата-беку и, въ присутствіи всего у него собравшагося войскового начальства, въ строгихъ выраженіяхъ, потребовалъ наказанія виновнаго; конечно, мы удалились, не убѣдившись въ результатѣ нашего заявленія. Не прошло и полутора часа на нашей стоянкѣ, какъ Мирза-Хакимъ сообщилъ намъ, что ханъ направляется въ дальнѣйшій путь, на Биш-Арыкъ. Тотчасъ же стали собираться, запрягать арбы и вьючить лошадей. Вдругъ между стоявшею во 100 шагахъ отъ насъ ханскою кавалеріей (2,000 человѣкъ) произошло волненіе. Всѣ они начали собираться въ кучу, срывать съ древокъ значки и, мгновенно вскочивъ въ сѣдла, съ гикомъ понеслись къ Коканду. Въ это время ханъ уже выѣхалъ съ позиціи и незамѣтно отошолъ садами версты на три, съ

500 всадниками; мы же все еще стояли предъ нашею палаткой и находились въ полномъ недоумѣніи, что̀ значитъ подобный маневръ: атака ли это противъ показавшагося изъ города непріятеля, или же измѣна и постыдное бѣгство съ предполагаемаго поля битвы Вскорѣ мы убѣдились, что послѣднее предположеніе было болѣе вѣрно и что войска, вышедшія съ ханомъ изъ города, передались на сторону его враговъ. Артиллеристы вскочили на лошадей и также бросились къ городу, оставивъ орудія на позиціи. Пѣхота, стоявшая отъ насъ нѣсколько дальше кавалеріи, послѣдовала примѣру артилеріи и разбѣжалась по садамъ. Тревога не застала насъ врасплохъ; казаки, по командѣ, стали въ ружье. Въ этотъ, довольно критическій моментъ, подошелъ къ намъ, проживавшій издавна въ Кокандѣ бѣглый сибирскій казакъ Евграфъ, и сообщилъ, что если мы простоимъ еще нѣсколько минутъ на той же позиціи, то рискуемъ быть уничтоженными отъ перваго до послѣдняго. Довѣрившись его руководству, мы сѣли на коней и двинулись по садамъ, вслѣдъ за опередившимъ насъ ханомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что спасеніемъ нашимъ въ этомъ опасномъ мѣстѣ мы обязаны Евграфу: не будь его, мы могли бы погибнуть весьма легко при полномъ незнаніи дороги и при стремительной атакѣ въ тылъ части возвратившейся кавалеріи; нѣсколько верстъ далѣе, на мѣстности, пересѣченной и затопленной, подобная атака дѣлалась уже гораздо труднѣе[*]. Втянувшись въ сады,

*) Когда ханъ, со стоянки у кишлака Гау-Хане, приказалъ направить семейство и арбы съ имуществомъ по дорогѣ къ русскимъ предѣламъ, въ толпѣ начали говорить: «Ханъ направилъ женъ своихъ къ Ходженту; онъ ѣдетъ къ русскимъ; мы за нимъ не пойдемъ!» Услыхавъ это, Евграфъ рѣшился не отставать отъ хана и присоединился къ толпѣ ханскихъ джигитовъ. Ханъ въ это время сѣлъ на лошадь и двинулся садами къ Канабадаму. Увидавъ Евграфа, онъ ему сказалъ: отчего это не идутъ русскіе? Имъ бы слѣдовало идти впередъ насъ; они къ намъ, какъ къ добрымъ людямъ, пріѣхали въ гости; пусть же насъ сперва убиваютъ, а имъ бы слѣдовало идти впередъ». Тогда Евграфъ повернулъ къ мѣсту, гдѣ мы стояли, и натолкнулся на сарбазовъ отряда Молла Мааруфа: у нихъ шло совѣщаніе; большинство требовало, чтобъ стрѣляли по русскимъ, немногіе же удерживали, говоря: «Пускай изъ нашихъ кто-нибудь стрѣляетъ, только чтобъ не мы были первые». Одинъ изъ начальниковъ, кураминскій уроженецъ, Турсункулъ, приказывалъ сарбазамъ стрѣлять, отговаривалъ же пріѣхавшій съ ханомъ Батырь-баши, говоря вышеприведенныя слова. Опасаясь быть убитымъ, Евграфъ не отъѣзжалъ отъ шумящей толпы, пока не увидѣлъ, что всѣ сарбазы бросились къ оставленнымъ орудіямъ. Тогда Евграфъ, пользуясь суматохой, успѣлъ подъѣхать къ намъ и предупредить насъ объ опасности. По насъ впослѣдствіи открылъ огонь именно отрядъ Молла-Мааруфа; кто стрѣлялъ изъ орудій, Евграфъ не знаетъ.

мы вскорѣ услышали за собою крикъ и гиканье преслѣдовавшихъ насъ всадниковъ; жители кишлака Гау-Хане и измѣнившіе хану сарбазы также присоединились къ нимъ и началась усиленная пальба. Лошади пугались и бросались въ сторону; тяжело нагруженныя арбы часто останавливались и сильно затрудняли наше движеніе. Полковникъ Скобелевъ, находившійся постоянно въ арьергардѣ, ободрялъ людей своимъ примѣромъ, такъ что, наблюдая за всѣмъ, поспѣвалъ повсюду, гдѣ требовалось его присутствіе. Позволяю себѣ высказать мое глубокое убѣжденіе, что маленькій отрядъ нашъ, если и дошолъ благополучно до русской границы, то единственно благодаря хладнокровію, смѣлости и энергіи полковника Скобелева. Находясь въ роли посланника, я не рѣшался сначала дать согласіе на открытіе огня съ нашей стороны. Я не хотѣлъ навлечь на насъ нареканія и обвиненія въ этомъ смыслѣ; я не хотѣлъ, чтобъ могли сказать о насъ, что мы подали поводъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Часть казаковъ, по приказанію полковника Скобелева, нѣсколько разъ спѣшивалась, чтобъ удержать слишкомъ стремительный натескъ мятежниковъ. При видѣ спѣшившихся казаковъ, преслѣдованіе немного ослабѣвало, но какъ только люди садились на коней, коканцы снова начинали напирать. Находясь въ весьма неблагопріятномъ положеніи, во время прохожденія по садамъ, по узкой затопленной дорогѣ, гдѣ за каждымъ заборомъ могла быть устроена засада, мы вытянулись, вмѣстѣ съ тяжело нагруженными арбами, на поляну и подверглись артилерійскому огню пяти орудій. Сначала по насъ были сдѣланы три выстрѣла картечью, на разстояніи 400 шаговъ, причомъ былъ убитъ состоявшій при насъ джигитъ; нѣсколько раньше убитъ былъ фальконетнымъ выстрѣломъ молодой мальчикъ, служитель довѣреннаго фирмы Каменскихъ. Впослѣдствіи были сдѣланы противъ насъ еще до 12-ти выстрѣловъ ядрами, но уже на большомъ разстояніи. Измученные дурною дорогой, въ садахъ, лошади арбъ нашихъ поминутно останавливались и падали; не видя возможности держать арбы подъ артилерійскимъ огнемъ, тѣмъ болѣе, что мятежники въ короткое время могли подкатить всѣ оставшіяся на позиціи орудія, мы были вынуждены бросить двѣ арбы со всѣмъ нашимъ имуществомъ и подарками; ханъ же потерялъ во время всего отступленія болѣе половины своего обоза. Присоединившись чрезъ полчаса къ хану, мы застали его стоящимъ подъ боль-

шимъ краснымъ знаменемъ и отстрѣливающимся отъ насѣдавшаго непріятеля. Худояръ-Ханъ, очевидно, остановился, чтобъ подождать насъ и дать возможность соединиться съ нимъ. Вообще, во время всего отступленія, ханъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и весьма благородно относился къ русскимъ».

«По соединеніи съ ханомъ, А. А. Вейнбергъ отправилъ джигита Мирзу-Хакима, съ запиской къ ходжентскому уѣздному начальнику, и просилъ выслать отрядъ на помощь. Джигитъ этотъ, проскакавъ въ Ходжентъ на лошади полковника Скобелева, доставилъ записку, вслѣдствіе которой отрядъ и былъ выдвинутъ въ кишлакъ Исфесаръ (въ 12 верстахъ отъ Ходжента).

«При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ арьергардѣ хана, по канабадамской дорогѣ, мы стали замѣчать, что кучки въ 5—7 человѣкъ изъ сопровождавшихъ хана сарбазовъ, отставая на 50—60 и болѣе шаговъ, открывали съ этого разстоянія огонь по насъ. Влѣво отъ пути нашего слѣдованія, между горами и полосой садовъ, человѣкъ сорокъ конныхъ джигитовъ слѣдили за направленіемъ нашего пути. Впослѣдствіи мы узнали, что инсургенты отправили въ обходъ, для пересѣченія намъ канабадамской дороги, 400 человѣкъ конницы, при четырехъ орудіяхъ; но вслѣдствіе предпринятой внезапно ханомъ перемѣны направленія пути и поворота съ канабадамской дороги опять на Бишъ-арыкъ, отрядъ этотъ не могъ выполнить своего назначенія. Бишъ-арыка мы достигли уже въ полночь, совершивъ верстъ двадцать кружного пути и сбивъ этимъ съ толку нашихъ преслѣдователей, которые въ темную ночь не могли насъ настигнуть на пересѣченной и перерѣзанной арыками мѣстности. Къ ночи преслѣдованіе прекратилось и мы спокойно прошли черезъ большой и многолюдный кишлакъ Бишъ-арыкъ. Во время дороги, сопровождавшіе насъ русскіе подданные передали намъ, что жители Бишъ-арыка не выпускаютъ находящагося тамъ купца Арзамасцева съ женой. По прибытіи въ помянутый кишлакъ, ханъ, вслѣдствіе просьбы нашей, приказалъ исправлявшему должность мехтера, мирзѣ-баши Хатему-баю, взять нѣсколько джигатовъ и привести Арзамасцева. Мирза-баши отправился въ кишлакъ; чрезъ нѣсколько времени, въ сторонѣ послышались выстрѣлы и прискакавшіе джигиты объявили, что на Хатема-бая произведено нападеніе, что онъ убитъ и ограбленъ. Впослѣдствіи оказалось, что никто и не думалъ нападать на Мирзу-баши, а что онъ просто бѣжалъ и ускакалъ въ Коканъ. Купецъ же Арзамасцевъ съ женой, три дня передъ тѣмъ, оставилъ Бишъ-

арыкъ и выѣхалъ въ Ходжентъ. Часто отставали ханскія арбы и командировались люди для отъисканія свѣжихъ лошадей. Обыкновенно, люди эти уже не возвращались, и, разграбивъ находившееся на арбахъ имущество, отправлялись обратно въ Коканъ. Не надѣюсь также нисколько на благонадежность ѣхавшихъ предъ нами ханскихъ конныхъ джигитовъ, которые во всякій данный моментъ могли броситься на насъ, мы, по выходѣ изъ Биш-арыкскихъ садовъ въ степь, перешли изъ арьергарда въ сторону, и держались все время, до русской границы, въ стѣ саженяхъ отъ хана. Мы шли всю ночь, хотя весьма тихо, но безостановочно и спокойно; погони за нами не было. Миновавъ небольшой кишлакъ Фатаръ, въ $2^1/_2$ ташахъ отъ Биш-арыка, мы, послѣ разсвѣта, подошли къ кишлаку Шахитъ-Мазаръ (въ 25-ти верстахъ отъ Мехрама). Пройдя этотъ кишлакъ, часовъ въ 7 утра, въ арьергардѣ хана, мы услышали крики и живую перестрѣлку. Вскорѣ къ намъ подскакалъ одинъ изъ приближенныхъ хана и объявилъ, что погоня настигла; причомъ онъ, со слезами на глазахъ, молилъ отрядить половину казаковъ на помощь хану. Находя невозможнымъ раздѣлить и безъ того небольшія силы, мы просили передать хану, что если онъ желаетъ быть подъ нашею защитой, то пусть подъѣзжаетъ къ намъ. Сами же мы остановились и выбрали удобное мѣсто для спѣшиванія. Посланный вернулся къ владѣтелю Кокана и вскорѣ возвратился съ просьбой хана, не отказать принять подъ нашу защиту, по крайней мѣрѣ, семью его и младшаго сына, Урмана-бека. Пропустивъ мимо арбы съ женами хана, а также и Урмана-бека, мы сомкнулись за ними арьергардомъ. Замѣчательный фактъ: ханъ семейство свое охотнѣе довѣрялъ защитѣ горсти русскихъ, чѣмъ охранѣ собственныхъ своихъ джигитовъ! Послѣ пропуска черезъ нашъ отрядъ семейства хана, крики и перестрѣлка еще продолжались, но ничего серьёзнаго не произошло. Вслѣдъ за этимъ, пол-

ковникъ Скобелевъ скомандовалъ взводу налѣво кругомъ и съ нѣсколькими казаками въѣхалъ на песчаный барханъ, чтобъ показать преслѣдователямъ бѣлыя фуражки и русскіе мундиры, послѣ чего мы двинулись впередъ тихимъ шагомъ и съ пѣснями. Люди пробыли безъ пищи 36 часовъ въ сѣдлѣ, изъ которыхъ 6 часовъ они отступали подъ непрерывнымъ огнемъ, тѣмъ неменѣе, они шли бодро. Такова сила обаянія распорядительнаго начальника, умѣющаго вселять къ себѣ довѣріе и поддерживать въ своихъ подчиненныхъ бодрый духъ; такимъ именно явилъ себя М.Д Скобелевъ въ этомъ случаѣ. Купцы наши также держали себя хорошо. Полковникъ Скобелевъ предложилъ имъ, въ случаѣ всеобщаго спѣшиванія, держать лошадей. Послѣ этой послѣдней попытки, преслѣдованіе прекратилось, и мы благополучно достигли Мехрама. Крѣпость эта была покинута бекомъ, который также бѣжалъ въ Коканъ. Ханъ во всю дорогу не хотѣлъ дать рѣшительнаго отвѣта, перейдетъ ли онъ русскую границу или нѣтъ. Онъ, повидимому, все еще надѣялся на увеличеніе его партіи отрядами окрестныхъ бековъ и сельскими жителями; но онъ въ разсчотахъ ошибся. Люди массами уходили отъ Худояра-хана, и никто не присоединялся къ нему. Во время слѣдованія къ Мехраму, Атабекъ спросилъ полковника Скобелева: нельзя ли будетъ вернуться на Коканъ, если русскія войска встрѣтятъ насъ въ Мехрамѣ? Полковникъ Скобелевъ возразилъ, что войска посланы собственно для нашей защиты, и что дальнѣйшая судьба ханства зависитъ отнынѣ отъ рѣшенія генерал-губернатора. Въ Мехрамѣ я заявилъ хану, что миссія наша кончена: мы были посланы генерал-губернаторомъ къ владѣтелю Кокана, и остались съ нимъ до послѣдней коканской крѣпости. Далѣе я заявилъ ему, что мы, окончивъ свое дѣло, удаляемся въ русскіе предѣлы, а потому просимъ его сооб-

щить, какъ онъ намѣренъ поступить: броситься ли въ крѣпость Мехрамъ, или же ожидать въ чистомъ полѣ непріятеля? Ханъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ въ Мехрамѣ оставаться не намѣренъ, и поѣдетъ вмѣстѣ съ нами въ Ходжентъ. Оставивъ Мехрамъ, въ полдень, мы, къ закату, добрались до русскаго кишлака Испесаръ. въ 8-ми верстахъ отъ котораго мы были встрѣчены помощникомъ ходжентскаго уѣзднаго начальника, капитаномъ графомъ Девіеромъ, съ 20-тью стрѣлками, посаженными на лошадей. Летучему отряду этому предписано было соединиться съ нами какъ можно скорѣе. Въ самомъ кишлакѣ находился 7-й линейный батальйонъ и дивизіонъ артилеріи; весь отрядъ былъ подъ начальствомъ полковника Савримовича. При этомъ считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что войска Ходжентскаго Уѣзда собрались съ необыкновенною быстротою, впродолженіи трехъ часовъ времени, и что вѣсть объ этомъ, навѣрно, во-время дошедшая до мятежниковъ, содѣйствовала къ прекращенію преслѣдованія около Мехрама Переночевавъ въ 12-ти верстахъ отъ Ходжента, въ кишлакѣ Испесарѣ, ханъ, 24-го іюля, послѣ полудня, прибылъ въ Ходжентъ и помѣстился въ домѣ начальника уѣзда, гдѣ его ожидали почетный караулъ и военная музыка. Народъ въ кишлакѣ и городѣ принималъ хана довольно сочувственно, и хотя большихъ массъ по улицамъ не собиралось, такъ какъ Худояръ-ханъ, согласно выраженному имъ желанію, былъ проведенъ въ приготовленную для него квартиру не базарами, а окольнымъ путемъ, краемъ города. Послѣднія неожиданныя событія сильно повліяли на нравственное и физическое состояніе хана. По пріѣздѣ въ Ходжентъ, онъ чувствовалъ себя совершенно нездоровымъ, и переѣхалъ изъ дома ходжентскаго уѣзднаго начальника, барона Нольде, на женскую половину, въ мусульманскомъ помѣщеніи, недалеко отъ берега Дарьи.

105

Голосъ 1875. № 254.

Изъ Ташкента (*корреспонденція «Голоса»*).—События на нашемъ политическомъ горизонтѣ, по отношенію къ сосѣднимъ независимымъ ханствамъ, быстро мѣняются. Русской власти непредставляется возможности сосредоточиться на внутреннемъ устройствѣ края. Почти ежегодно, съ началомъ весны, по Ташкенту ходятъ тревожные слухи о безпорядкахъ: то кипчаки (самая значительная часть населенія Коканскаго Ханства), то кара-киргизы возстали противъ живущаго съ нами въ мирѣ хана, то открытъ заговоръ между придворными эмира, словомъ, каждая весна приноситъ враждебные нашимъ интересамъ слухи.

Въ послѣднее время, болѣе всего страдало внутреннею неурядицей и безпорядками Коканское Ханство. Причинами, вызывавшими эти волненія, всегда оказывались злоупотребленія, которыя дозволяли себѣ ханъ и его приближонные, отягощая народъ непомѣрными налогами. Ханское правительство и его агенты, являвшіеся въ Ташкентъ, при сношеніяхъ по пограничнымъ дѣламъ, на разспросы о безпорядкахъ отвѣчали, что все это производитъ партія, враждебная хану, за его миролюбивое отношеніе къ русскимъ. При дознаніяхъ же, произведенныхъ другими путями, обнаруживалось, что поводомъ всегда служили непомѣрные налоги, частыя смертныя казни, бо́льшею частью являвшіяся по

одному подозрѣнію о существованіи какого-то заговора. Наша представительная власть, въ этихъ случаяхъ, являлась съ добрыми совѣтами сосѣду, нарочно съ этою цѣлью отправлялось посольство къ хану, послѣ чего, слухи умолкали, и, казалось, у сосѣдей все успокоивалось. Въ такомъ видѣ, около восьми лѣтъ, существовало коканское ханство, ближайшее по сосѣдству къ Ташкенту.

Въ нынѣшнемъ году, съ началомъ весны, по городу распространились обычные слухи, что въ Коканѣ безпорядки. Говорили, что въ ханствѣ появился претендентъ на ханство, нѣкто Абду-Каримъ-бекъ. Съ пріѣздомъ генерал-губернатора въ Ташкентъ, въ началѣ іюня, слухъ этотъ, какъ бы, затихъ; говорили, что шайка этого узурпатора разбита, самъ онъ гдѣ-то скрывается въ нашихъ предѣлахъ, и затѣмъ, въ Коканѣ все обстоитъ благополучно. Спокойствію этому старожилы Ташкента не повѣрили, предполагая, что это только наружное спокойствіе, по случаю присутствія главнаго начальника края въ Ташкентѣ. Ознакомясь съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ за время своего отсутствія, генералъ-губернаторъ, 6-го іюля, выѣхалъ въ Семирѣченскую Область. Передъ отъѣздомъ же онъ отправилъ посольство изъ состоящаго при немъ чиновника для дипломатическихъ спошеній, г. Вейнберга, и флигель-адъютанта Его Величества, полковника генеральнаго штаба, Скобелева. Г. Вейнбергу поручено было передать хану въ настоятельныхъ выраженіяхъ требованіе русской власти о болѣе мирномъ управленіи ханствомъ; г. Скоболевъ командированъ былъ съ порученіемъ въ Кашгаръ къ Якубу, но съ тѣмъ, чтобъ онъ проѣхалъ черезъ горный кряжъ, отдѣляющій коканское ханство отъ Кашгара.

Неуспѣло главное начальство проѣхать Сыръ-Дарьинскую Область, а посольство—нашу границу съ Коканомъ, какъ въ Ташкентѣ вновь прошли слухи о безпорядкахъ въ Кокапскомъ Ханствѣ. На этотъ разъ виновникомъ возстанія былъ Назаръ-бекъ, племянникъ Худояра-хана, скрывавшійся долгое время въ Бухарѣ. Онъ появился съ партіей, набранною частью въ Бухарѣ, частью въ Каратегинѣ. Недовольныя ханомъ кипчаки, составляющіе главную часть населенія въ ханствѣ, незамедлили воспользоваться случаемъ подняться, чтобъ ниспровергнуть власть Худояра-хана. Воспользовавшись тѣмъ, что ханскіе войска двигались противъ Назара-бека, кипчаки заняли Андиджанъ, гдѣ жилъ старшій сынъ хана, Ханъ-Заде, Наср-етдинъ-бекъ съ дядькой своимъ Исса-Ауліэй. Назаръ-бекъ движеніе кип-

чаковъ принялъ за сочувствіе къ себѣ и разбилъ удачнымъ манёвромъ пятьсотъ человѣкъ, высланныхъ противъ него изъ Андиджана на пути къ Кокану и, выйдя въ долину рѣки Сыръ-Дарьи, занялъ небольшую крѣпостцу Уте-Курганъ. Наше посольство въ это время было въ Коканѣ и предупреждало хана о готовившемся возстаніи противъ него, но ханъ считалъ все это пустяками.

Успѣхъ Назара-бека ободрилъ враговъ Худояра-хана, они открыто стали обнаруживать свое неудовольствіе. Высланный съ войсками противъ инсургентовъ приближенный хана Абдурахманъ-Автобачи (постельничій), родомъ кипчакъ, съ дороги, сперва, посылалъ въ Коканъ требованіе о присылкѣ ему подкрѣпленія противъ Назара-бека, а въ Андиджанѣ, соединясь съ кипчаками, объявилъ себя съ ввѣренными ему войсками отложившимся отъ Худояра-хана. Здѣсь онъ съ Исса-Аулiей порѣшили умертвить хана, и на его мѣсто возвести или Хана-Заде, или брата хана, Султана-Мурата-бека.

Худояръ-ханъ, видя себя въ такомъ положеніи, сначала хотѣлъ-было самъ идти противъ Абдурахмана Автобачи, но по малочисленности оставшихся ему вѣрными войскъ, рѣшился идти въ наши предѣлы. Когда въ Коканѣ было получено извѣстіе, что Абдурахманъ-Автобачи идетъ съ кипчаками къ Кокану, Худояръ-ханъ отдалъ приказаніе, чтобъ войска собрались за городскими воротами Муи-Мубарекъ. Собравъ, насколько позволяли перевозочныя средства, свою казну, семью, женъ, дѣтей и приближенныхъ, ханъ вышелъ за городъ къ войскамъ. Собравъ къ себѣ военноначальниковъ, онъ объявилъ имъ, что идетъ въ Ходжентъ, русскій пограничный городъ—желающіе могутъ слѣдовать за нимъ. Возвратясь къ своимъ частямъ, военноначальники стали совѣтоваться, что дѣлать; въ это время ханъ направился по махрамской дорогѣ къ нашей границѣ, за нимъ послѣдовало наше посольство. Послѣ двухчасового совѣщанія, рѣшено было перейти на сторону инсургентовъ, вѣсть о приближеніи которыхъ въ это время была получена въ лагерѣ. Нѣсколько конныхъ партій бросились догонять отступавшій кортежъ хана, вслѣдъ ему было пущено нѣсколько ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ. До Махрама продолжалось преслѣдованіе; наше посольство съ своими казаками стройно отступало въ виду возмутившихся коканцевъ; ими не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Полковникъ Скобелевъ, руководившій отступленіемъ, строго запретилъ отстрѣливаться.

Съ переходомъ отступавшихъ въ Ходжентскій Уѣздъ, преслѣдованіе прекратилось. За день или два до выѣзда хана изъ Кокана, наше посольство отправило гонца къ ходжентскому уѣздному начальнику, прося выслать войска для ихъ охраны. Выступившій изъ Ходжента отрядъ, нѣсколько ротъ и дивизіонъ артилеріи, верстахъ въ двѣнадцати отъ города, встрѣтилъ наше посольство и хана, шедшихъ изъ Кокана.

Вступивъ въ наши предѣлы, Худояръ-ханъ письмомъ на имя главнаго начальника края просилъ принять его съ семьей и ханствомъ подъ покровительство Россіи.

За отсутствіемъ генерал-губернатора изъ Ташкента, военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской Области, при первыхъ извѣстіяхъ о безпорядкахъ въ Коканѣ выставилъ небольшой отрядъ въ селеніи Тиляу, лежащемъ близъ коканской границы въ Кураминскомъ Уѣздѣ, и сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія быть готовымъ къ походу, если того потребуютъ обстоятельства; обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ и событіяхъ немедленно сообщалось въ Вѣрное, генерал-губернатору. Воздерживаясь, по возможности, сообразно нашимъ интересамъ, отъ вмѣшательства во внутреннія раздоры въ сосѣднихъ ханствахъ, главный начальникъ края дѣлалъ распоряженіе изъ Вѣрнаго всячески избѣгать столкновенія съ коканцами, увѣдомивъ при этомъ, что самъ скоро вернется въ Ташкентъ.

Въ день возвращенія генерал-губернатора, 31-го іюля, около 5 часовъ вечера, изъ Кокана отъ вновь избраннаго хана, Наср-етдинъ-бека, прибыло посольство съ заявленіемъ, что онъ желаетъ жить съ русскими, по прежнему, въ мирѣ и дружбѣ. Письмо скрѣпили Абдурахман-Автобачи и Исса-Аулія. Опытные люди говорили, что это обманъ, что новый ханъ игрушка въ рукахъ этихъ двухъ фанатиковъ. Честный характеръ нашихъ сношеній съ сосѣдями не дозволялъ отклонять посольство. Увѣренный въ искренности заявленій, главный начальникъ края, при представленіи ему начальниковъ отдѣльныхъ частей, говорилъ: «Богъ дастъ, обойдемся безъ войны». И дѣйствительно, съ уходомъ Худояра-хана, въ ханствѣ возстановилось полнѣйшее спокойствіе; торговля пошла обычнымъ путемъ— такъ сообщали купцы. Между тѣмъ, по официальнымъ донесеніямъ кураминскаго и ходжентскаго уѣздныхъ начальниковъ, видно было, что волненіе въ ханствѣ продолжалось. Городскіе слухи, естественно, преувеличивали вѣроятность всего, что разсказывалось по этому случаю. Изъ всего разсказывавшагося выходило одно: наши сосѣди хитрятъ, что-то предпринимаютъ противъ насъ.

Въ день отъѣзда коканскаго посольства, ночью, было получено донесеніе отъ начальника отряда изъ Тиляу, что нѣсколько коканскихъ партій перешли нашу границу, изъ которыхъ одна напала на селеніе Аблыкъ, Кураминскаго Уѣзда, а другія пошли бродить по уѣзду. Вскорѣ за этимъ, было получено донесеніе изъ Ходжента, что въ коканскомъ ханствѣ Абдурахманъ-Автобачи объявилъ священную войну противъ русскихъ, причомъ было приложено нѣсколько прокламацій, захваченныхъ въ уѣздѣ. Прокламаціи вызывали нашихъ подданныхъ туземцовъ возстать противъ насъ. Съ подобными же прокламаціями было поймано нѣсколько лицъ, явившихся изъ Кокана въ Ташкентъ и Кураминскій Уѣздъ. Всѣ эти факты наглядно доказали, что цѣлью всѣхъ послѣднихъ событій въ Коканѣ было рѣшеніе начать съ нами войну.

Командировавъ немедленно по полученіи донесенія о появившихся партіяхъ въ Кураминскомъ Уѣздѣ генерал-лейтенанта Головачева съ небольшимъ отрядомъ къ селенію Тиляу, чтобъ оттуда дѣйствовать противъ враговъ, явившихся къ намъ нежданно-негадано, главный начальникъ края отдалъ приказъ, 8-го августа, о выступленіи въ походъ противъ Кокана.

Между тѣмъ, пока шли приготовленія и двигались войска къ сборному пункту, въ Ташкентъ прибылъ послѣдній коканскій ханъ, Худояръ-ханъ, съ семьею и приближонными. Послѣ долгихъ совѣщаній, ханъ, наконецъ, рѣшился переѣхать во внутрь Россіи и, въ день выѣзда главнаго начальника края въ Ходжентъ, къ войскамъ, Худояръ-ханъ, съ четырьмя жонами и казною, выѣхалъ изъ Ташкента, на долгихъ. Ханъ предпочолъ совершить переѣздъ до Оренбурга на арбахъ. Всѣ доводы о трудности исполненія подобнаго переѣзда онъ не принялъ, ссылаясь на то, что боится заболѣть и устать дорогой, отправляясь на почтовыхъ.

110

Голосъ. 1875 г. № 294.

Изъ Кокана, *21-го сентября* (*кореспонденція «Голоса»*).—Кокандскій походъ нынѣшняго года нельзя не признать заслуживающимъ полнаго вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Существовало мнѣніе, что мы въ Туркестанскомъ Краѣ стоимъ на вулканѣ и что многочисленное туземное мусульманское населеніе Средней Азіи, подавленное и оглушонное громомъ побѣдъ, когда-нибудь очнется и пойдетъ грозною силой за какимъ-нибудь талантливымъ предводителемъ, который съумѣетъ увлечь за собою народныя массы. Въ виду всѣми признанной невоинственности исконныхъ жителей Азіи, таджиковъ, естественно было ожидать, что въ роли вождя явится узбекъ—человѣкъ изъ того племени (тюркскаго), которое уже выдѣлило изъ себя Тимура.

Самыми воинственными изъ тюркскихъ племенъ являются въ настоящее время: туркмены на крайнемъ западѣ Средней Азіи и кипчаки съ кара-киргизами—на восточной ея окраинѣ. Съ туркменами мы постепенно сводимъ уже наши счоты; хивинскій походъ 1873 года положилъ прочное начало русскому вліянію въ Туркменской Степи. Кипчаки, со своимъ вождемъ, Алимомъ-куломъ, также уже приходили въ столкновеніе съ русскими еще въ первые годы занятія городовъ Туркестанскаго Края: Ауліе-Ата, Чимкента и Ташкента; но съ того времени прошло почти десять лѣтъ, и впечатлѣніе пораженій, нанесенныхъ кипчакамъ, успѣло уже изгладиться. Неспокойные кипчаки снова подняли голову, и имъ показалась сбыточною мысль: поднять все мусульманское населеніе Средней Азіи на священную войну противъ русскихъ.

Пока въ Коканѣ ханскій престолъ занималъ Худояръ-ханъ, сдерживавшій желѣзною рукой неспокойные элементы населенія Кокандскаго Ханства, фанатическая затѣя кипчаковъ не могла обнаруживаться. Худояръ-ханъ былъ такъ твердъ и опытенъ, что не позволялъ увлечь себя безразсуднымъ агитаторамъ; съ другой стороны, онъ имѣлъ полное основаніе не довѣрять расположенію къ себѣ кипчаковъ. Онъ помнилъ очень хорошо время господства въ Коканѣ кипчакской партіи, когда онъ находился подъ строгою опекой Мусульмана-кула, опекой, отъ которой онъ успѣлъ избавиться только посредствомъ почти

поголовнаго избіенія кипчаковъ во всемъ ханствѣ [1]). Помнилъ онъ и время Алима-кула, который былъ полновластнымъ регентомъ Коканскаго Ханства во все время правленія Молла-хана (брата Худояра-хана) и въ послѣдовавшее затѣмъ междоусобное время ханствованія малолѣтныхъ Шаха-Мурата и Султана-Сеида. Худояръ-ханъ не любилъ кипчаковъ, втайнѣ опасался ихъ и приблизилъ къ себѣ только одного Абдурахмана, сына Мусульмана-кула, да и то потому, что подружился съ нимъ еще въ то время, когда не имѣлъ никакой власти и находился подъ опекою Мусульмана-кула. Худояръ-ханъ

[1]) Чтобъ избавиться отъ Мусульмана-кула и его приверженцовъ, Худояръ-ханъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости: онъ пригласилъ однажды, на какой-то семейный праздникъ, въ свой дворецъ всѣхъ бековъ и важныхъ лицъ Кокана. Ханъ въ этотъ день былъ особенно ласковъ съ ними. Во время праздника, одинъ изъ присутствовавшихъ обидѣлся неосторожными словами Мусульмана-кула и началъ съ нимъ горячо спорить. Удивленный Мусульманъ-кулъ приказалъ ему тотчасъ же оставить ханскій дворецъ, но гость, въ раздраженіи, обозвалъ его уличною бранью. Мусульманъ-кулъ, предчувствуя что-то недоброе, смолчалъ и хотѣлъ уйти; но не успѣлъ онъ еще встать со своего мѣста, какъ на него бросилось съ ножами нѣсколько заговорщиковъ. Черезъ минуту во дворѣ ханскаго дворца загремѣлъ *догира* (набатъ); жители Кокана, ожидавшіе этого условнаго знака, бросились на собравшихся друзей Мусульмана-кула и истребили ихъ всѣхъ до одного. Самъ Мусульманъ-кулъ успѣлъ, однако, спастись какимъ-то чудомъ. Онъ удалился къ своимъ кипчакамъ, наскоро собралъ войско и пошолъ войною на Худояра-хана. При сліяніи Нарына и Сыр-Дарьи войско Мусульмана-кула было разбито, и кипчаки, чтобъ заслужить прощеніе хана, выдали ему Мусульмана-кула. Худояръ-ханъ приказалъ казнить Мусульмана-кула, но еще прежде того отдано было приказаніе «стереть съ лица земли всѣхъ кипчаковъ». Тогда началось страшное истребленіе всѣхъ тѣхъ кипчаковъ, которые не успѣли скрыться въ горы. Ихъ убивали повсемѣстно, отъ Уша до Ходжента. Рѣзня продолжалась три мѣсяца, и въ теченіи этого времени погибло болѣе 20,000 человѣкъ. Мусульманъ-кулъ три дня былъ прикованъ къ эшафоту, и въ его глазахъ казнили всѣхъ его друзей. Говорятъ, что онъ переносилъ твердо эту пытку, но когда начали рубить головы совершенно невиннымъ людямъ, несчастный старикъ заплакалъ, началъ рваться и кричать: «убейте прежде меня». Ему отрубили голову.

назначилъ Абдурахмана своимъ *автобачи* [2]), и во всемъ довѣрялъ ему. Абдурахманъ-автобачи, казалось, также былъ совершенно преданъ хану и ревностно охранялъ его интересы. Когда, въ послѣднее время (въ 1874 году), возникли волненія между кипчаками. Абдурахманъ, съ конным войскомъ, разбилъ мятежниковъ и былъ зато произведенъ въ чинъ *германачи* (высшій военный чинъ).

Худояръ-ханъ, съ 1867 года до настоящаго времени, старался ничѣмъ не нарушать мирныхъ отношеній своихъ къ русскому правительству, зная хорошо силу русскихъ. Только въ послѣдніе годы ханствованія своего, Худояръ-ханъ довольно рѣзко измѣнилъ свое поведеніе: онъ сталъ относиться къ русскимъ далеко не такъ дружелюбно, какъ прежде, и въ этомъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ видѣть вліяніе Абдурахмана-автобачи и муллы Исса-ауліе, двухъ лицъ, замѣнившихъ, въ послѣднее время, Ата-бека, наиболѣе благоразумнаго изъ всѣхъ совѣтниковъ хана.

Положеніе Худояра-хана въ послѣдніе годы было весьма тяжолое. Народъ озлобленъ былъ на него за чрезмѣрные налоги, которые годъ отъ году становились все отяготительнѣе. Въ то же время, кипчакская партія, пользуясь неудовольствіемъ всей страны противъ хана, начанала постепенно поднимать голову. Два года Худояру-хану удавалось сдерживать народное неудовольствіе; онъ разбивалъ скопища мятежниковъ и не безъ гордости заявлялъ, что «звѣзда его еще не угасла».

Но она померкла въ августѣ нынѣшняго года. Два мѣсяца назадъ (въ іюлѣ), въ коканскіе предѣлы вторглась, черезъ Каратегинъ, значительная шайка недовольныхъ ханомъ киргизовъ, подъ предводительствомъ Назара-хана и Пулата бека, двухъ дальнихъ родственниковъ Худояра-хана. Кипчаки, всегда готовые примкнуть ко всѣмъ недовольнымъ, приняли участіе и въ этомъ движеніи. Сначала хана весьма мало безпокоили тревожные слухи, доходившіе до него изъ восточныхъ бекствъ ханства; онъ надѣялся,

[2]) Отъ слова: *автоба* — рукомойникъ; обязанность автобачи подавать хану рукомойникъ съ водою, при омовеніяхъ. Говорятъ, что Абдурахманъ, тайно отъ отца, часто доставалъ денегъ для молодого хана Худояра, которому Мусульманъ-кулъ не давалъ ни копейки, опасаясь, что онъ деньгами пріобрѣтетъ себѣ друзей.

что его любимецъ, Абдурахманъ-автобачи, и на нынѣшній разъ подавитъ волненіе; поэтому, ханъ нисколько не побоялся ввѣрить Абдурахману весьма значительный отрядъ ханскихъ войскъ, который двинулся къ Маргелану. Вмѣстѣ съ Абдурахманомъ отправился и близкій совѣтникъ хана, мулла Исса-ауліе.

Но вскорѣ до Кокана дошла вѣсть, что Абдурахманъ и Исса-ауліе задумали въ Маргеланѣ совершить государственный переворотъ и объявить хана низложеннымъ. Маргеланскій бекъ Султанъ-Муратъ (братъ хана), подъ угрозой смерти, долженъ былъ пристать къ мятежникамъ. Увѣряютъ, впрочемъ, что онъ тайно послалъ увѣдомить своего брата, Худояра-хана, обо всемъ, что совершилось въ Маргеланѣ. Абдурахманъ-автобачи и Исса-ауліе тотчасъ же вызвали къ себѣ изъ Андиджана сына Худояра-хана, андиджанскаго бека Насыра-Этдина [3]), и онъ, видя, что, въ случаѣ отказа, ему грозитъ неминуемая гибель, согласился быть ханомъ. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ, власть его могла быть только номинальною; дѣйствительными правителями ханства являлись въ такомъ случаѣ Абдурахманъ-автобачи, мулла Исса-ауліе и нѣкто Хаалакъ-Назаръ, лицо, до тѣхъ поръ неигравшее видной роли въ ханствѣ и возвысившееся только благодаря своему сообщничеству съ автобачи и Исса-ауліе.

Худояръ-ханъ, видя, что и войско, съ своими главными предводителями, и народъ — противъ него, почолъ болѣе благоразумнымъ удалиться изъ Кокана въ Ходжентъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и значительною казной. Во все время переѣзда, поѣздъ хана прикрывался конвоемъ нашего посольства [4]), которое пе-

[3]) Разсказываютъ, что посланнымъ приказано было привести его во что бы то ни стало, живого или мертваго.

[4]) А. А. Вейнбергъ и Д. М. Скобелевъ. Ханъ выѣхалъ изъ Кокана съ артилеріей и восемью-тысячнымъ отрядомъ, объявивъ, что идетъ на мятежника Абдурахмана - автобачи, но, отойдя восемь

редъ началомъ смутъ случайно находилось при ханѣ. Благодаря стойкости казаковъ и распорядительности флигель-адъютанта, полковника Скоболева, ханъ съ семействомъ своимъ благополучно добрался до русской границы.

Немедленно, вслѣдъ за удаленіемъ хана, по всему Коканскому Ханству начались приготовленія къ войнѣ противъ русскихъ. Подъ вліяніемъ фанатической идеи, овладѣвшей умами предводителей коканской инсурекціи, смолкла и даже отошла на задній планъ исконная вражда коканской (собственно сартовской) и кипчакской партій [1]). Кипчакъ Абдурахманъ-автобачи соединился съ истымъ сартомъ, муллою Исса-ауліе. Этотъ мулла былъ главнымъ подстрекателемъ и главою тріумвирата [2]).

верстъ отъ города Кокана, онъ приказалъ арбамъ со своею семьей и имуществомъ перейти на ходжентскую дорогу. Это возбудило подозрѣніе въ войскѣ, которое начало волноваться. Предвидя опасность, ханъ поспѣшилъ уѣхать съ толпою своихъ близкихъ людей, числомъ до 500 человѣкъ. Войско хана частью вернулось въ Коканъ и разошлось по домамъ, частью же бросилось преслѣдовать хана, уходившаго въ русскіе предѣлы. Казаки, подъ личнымъ начальствомъ полковника Скобелева, все время сдерживали преслѣдующія толпы и медленно отступали, даже безъ выстрѣла, подъ сильнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ со стороны коканцовъ. Это спокойное отступленіе продолжалось до Костакоза, куда былъ высланъ изъ Ходжента, при первой вѣсти о событіяхъ въ Коканѣ, 7-й линейный батальйонъ. Завидя русскихъ солдатъ, коканцы прекратили преслѣдованіе хана и нашего посольства. Во время отступленія, съ нашей стороны убиты два джигита, а въ ханскомъ отрядѣ восемь человѣкъ.

[1]) Родоначальникъ нынѣ ханствующаго въ Коканѣ дома былъ узбекъ Нарбута-бій; но окружонные сартами, узбекскіе ханы Кокана скоро утратили свой рѣзкій тюркскій типъ и стали болѣе сочувствовать интересамъ осѣдлаго, сартовскаго, чѣмъ кочевого, кипчакскаго и киргизскаго населеній. Оттого недовольные ханами всегда находили пріютъ и поддержку у кочевниковъ. Когда Магедъ-Али-ханъ хотѣлъ убить своего племянника, Шира-Али, подозрѣвая его во враждебныхъ умыслахъ, Ширъ-Али скрылся къ кипчакамъ. Тамъ у него родились сыновья: Молла-ханъ, Худояръ-ханъ и Султанъ-Муратъ. Съ этого времени кипчаки стали вмѣшиваться въ политическія дѣла Кокана. Кипчакъ Мусульманъ-кулъ возвелъ на ханство Шира-Алія, а затѣмъ и Худояра-хана и управлялъ самовластно ихъ именемъ Въ ханствованіе Молла-хана былъ самовластнымъ регентомъ кипчакъ Алимъ-кулъ. Со смертью же Алима-кула и съ воцареніемъ Худояра-хана, вторично достигшаго престола, благодаря помощи ташкентцовъ-сартовъ, снова взяла перевѣсъ сартовская партія. Это продолжалось до 1875 года, когда, съ изгнаніемъ Худояра-хана, народнымъ движеніемъ овладѣлъ кипчакъ Абдурахманъ-автобачи, сынъ Мусульмана-кула.

[2]) Автобачи, указывая на муллу Исса-ауліе, говорилъ на сходбищахъ: «онъ совѣтъ и голова, а я воинъ за вѣру».

Предводители инсурекціи въ Коканѣ разсчитывали поднять все мусульманское населеніе, нетолько Кокана и сосѣднихъ ханствъ и владѣній Кашгара, Каратегена и Бухары, но и жителей городовъ Туркестанскаго Края. Воззванія, призывавшія всѣхъ мусульманъ къ возстанію, во имя ислама, были разосланы всюду. Нѣсколько экземпляровъ такихъ воззваній было найдено въ Ташкентѣ, Ходжентѣ и въ кишлакахъ Кураминскаго Уѣзда. Чтобъ еще болѣе побудить кураминцовъ къ возстанію, предводители инсурекціи, дѣйствовавшіе именемъ слабаго и подчинившагося ихъ волѣ новаго хана Насыра-Этдина, выслали въ Кураминскій Уѣздъ двѣ сильныя шайки, преимущественно изъ киргизовъ, подъ начальствомъ Тенгри-берды и Зульфа-карабека. Эти шайки утвердились въ кишлакахъ: Самгарѣ и Аблыкѣ и разсчитывали однимъ появленіемъ своимъ взволновать все мѣстное населеніе.

Но туземцы Курамы и Ходжента отнеслись довольно пасивно ко всѣмъ усиліямъ коканскихъ инсургентовъ. Весьма немногіе изъ нихъ присоединились добровольно къ коканскимъ шайкамъ; большинство народа шло только по принужденію, подъ угрозой смерти. Возмутительныя воззванія нигдѣ не вызвали общаго народнаго волненія, даже въ Ходжентѣ, который со всѣхъ сторонъ былъ обложенъ коканскими скопищами, такъ что мужественному гарнизону этого города приходилось отбивать нападенія и со стороны Костакоза (по коканской дорогѣ), гдѣ сосредоточились главныя силы коканцовъ подъ начальствомъ самого Абдурахмана-автобачи, и со стороны моста черезъ Сыр-Дарью, который коканцы безуспѣшно пытались захватить и уничтожить. Одновременно съ отбитіемъ нападенія на Ходжентъ, разсѣяны были шайки, вторгшіяся въ Кураминскій Уѣздъ. Движеніе изъ Ташкента главныхъ силъ русскаго отряда, подъ личнымъ начальствомъ генерал-адъютанта фон-Кауфмана, вынудило эти шайки окончательно скрыться изъ Кураминскаго Уѣзда въ коканскіе предѣлы. Приближалась развязка затѣянной инсургентами борьбы съ русскими, и предводители возстанія готовились къ серьёзному столкновенію съ русскою силой. Для нихъ рѣшался роковой вопросъ: «быть или не быть?»

Въ 42 хъ верстахъ отъ Ходжента, долина Сыр-Дарьи значительно съуживается масивнымъ хребтомъ Тянь-Шань, который здѣсь близко подходитъ къ рѣкѣ [3]). Такимъ образомъ, образуются какъ бы ворота, ведущія изъ ходжентскаго культурнаго оазиса въ плодородную долину Фергана (Коканское Ханство). Оба эти культурные оазиса, ходжентскій и коканскій, раздѣляются каменистою и безплодною Махрамскою Равниной, культивированною только близь горъ и у самой рѣки [4]).

Здѣсь-то, въ узкой и безплодной части долины Сыр-Дарьи, кокандцы уже давно построили крѣпость Махрамъ, какъ оплотъ противъ русскихъ. На эту крѣпость кокандцы постоянно возлагали большія надежды; на сохраненіе въ исправности махрамскихъ верковъ ежегодно отпускалась значительная сумма, и дѣйствительно, если каждаго пріѣзжаго удивляетъ, что городскія стѣны Кокана, Маргелана и другихъ городовъ совершенно запущены и во многихъ мѣстахъ даже полуразрушены, зато онъ не можетъ не замѣтить, что, въ противоположность тому, стѣны Махрама крѣпки и совершенно исправны. Махрамъ былъ передовымъ, и въ то же время, единственнымъ фортомъ, защищавшимъ открытый и беззащитный городъ Коканъ съ его невоинственнымъ, не любящимъ войны населеніемъ и богато обработанными окрестностями.

Здѣсь-то, въ Махрамѣ, какъ единственной крѣпкой позиціи, на всемъ пути отъ Ходжента до Кокана и приготовились кокандцы встрѣтить русское войско. Сюда прибылъ самъ автобачи съ лучшими своими силами. Все было сдѣлано имъ, чтобъ обезпечить успѣхъ ожидаемаго сраженія, которое должно было имѣть, и дѣйствительно имѣло, характеръ поединка между русскимъ и коканскимъ войсками. Отъ исхода этого сраженія зависѣла и судьба самого автобачи, и успѣхъ начатаго имъ рискованнаго дѣла—борьбы съ русскими. Автобачи хорошо сознавалъ это и сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ, какъ онъ мечталъ, остановить и разгромить небольшое, но грозно идущее русское войско. Онъ усилилъ крѣпостные верки искусно расположенною укрѣпленною позиціей, вооруженною 40 орудіями. Низменная мѣстность впереди позиціи была затоплена и сдѣлана весьма трудно проходимою. Самъ автобачи, съ огромными толпа-

[3]) Отъ Сыр-Дарьи до предгорій здѣсь не болѣе 4½—5 верстъ.

[4]) Во всемъ Махрамскомъ Бекствѣ считается только 26 кишлаковъ, небольшихъ и небогатыхъ.

ми своихъ кипчакскихъ наѣздниковъ, держался внѣ укрѣпленій, на предгорьяхъ, выжидая минуту, когда огонь изъ крѣпости и изъ укрѣпленія разстроитъ наши войска, чтобъ кинуться всей массой на русскій отрядъ и втоптать его въ болото.

Съ своей стороны, и главный начальникъ русскихъ войскъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, сознавалъ, что предстоящій бой долженъ рѣшить судьбу всей кампаніи. Разбить коканцовъ было нетрудно; никто и не сомнѣвался въ успѣхѣ предстоящаго сраженія. Затопленная мѣстность была бы пройдена, хотя, можетъ быть, и съ значительными потерями съ нашей стороны, вслѣдствіе того, что коканцы заранѣе уже пристрѣляли свои орудія. Конныя толпы были бы также, безъ сомнѣнія, разсѣяны. Но задача заключалась не въ томъ: должно было поразить коканцовъ неожиданностью, показать, что всѣ ихъ комбинаціи и предположенія могутъ быть разрушены и обращены въ ничто не одною только силой русскаго оружія, но и умственнымъ превосходствомъ нашимъ надъ противниками; а главное, надо было разбить коканцовъ безъ значительныхъ потерь, чтобъ доказать полное ихъ ничтожество передъ нами.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ принялъ на себя лично начальствованіе отрядомъ. Онъ самъ велъ его отъ послѣдняго ночлега нашего передъ Махрамомъ (въ кишлакѣ Карачекумъ). Планъ движенія русскаго отряда, въ общихъ чертахъ, былъ слѣдующій: предположено было обойти съ правой стороны затопленную мѣстность, оттѣснивъ для этого, въ горы густыя конныя толпы Абдурахмана-автобачи и, обойдя внѣ черты выстрѣловъ махрамскую позицію, ударить на нее съ фланга и съ тыла, т. е. тамъ, гдѣ непріятель не ожидалъ нападенія и мало приготовился къ оборонѣ [1]). По взятіи укрѣпленной позиціи и крѣпости, кавалерія должна была ударить справа на бѣгущія толпы махрамскихъ защитниковъ, прижать ихъ къ рѣкѣ и истребить.

[1]) Коканскія орудія были направлены на затопленную мѣстность, въ надеждѣ громить въ этомъ направленіи наступающее русское войско; когда коканцы увидѣли, что ихъ обходятъ съ фланга, тогда только они начали поспѣшно перевозить орудія на новое, непристрѣлянное ими мѣсто. Вслѣдствіе этого, изъ 40 махрамскихъ орудій дѣйствовало противъ русскаго отряда только 10.

Этотъ планъ и былъ выполненъ блистательно. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ повелъ войска, оріентируясь на одну изъ сопокъ хребта, обрамлявшаго справа долину Дарьи. Зорко слѣдилъ онъ, чтобъ отрядъ нашъ шолъ, какъ на ученьѣ, въ стройномъ и грозномъ порядкѣ. Но вотъ завидѣлся Махрамъ, забѣлѣли дымки орудійныхъ выстрѣловъ. Послѣдовалъ ударъ: атака Махрама, и въ одинъ часъ времени и укрѣпленіе, и крѣпость, были въ нашихъ рукахъ. Казачьи сотни наши бросились на оторопѣвшаго, разбитаго на-голову непріятеля, и, какъ и было предположено, уничтожили его.

Насколько махрамская побѣда имѣла рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій видно изъ того, что генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, послѣ взятія Махрама, и не думалъ преслѣдовать автобачи, ушедшаго съ своими конными толпами кипчаковъ. Эти толпы были не опасны. Гораздо важнѣе было выждать время, чтобъ вѣсть о махрамской побѣдѣ и о бѣгствѣ автобачи успѣла разнестись по всему ханству и произвести свое оглушающее дѣйствіе. Можно было навѣрное разсчитывать, что населеніе ханства, убѣдившееся въ безсиліи автобачи и въ явной несбыточности его замысловъ, перестанетъ слушать его и покорно встрѣтитъ русскія войска. Такъ и сбылось въ дѣйствительности: еще у стоянки отряда подъ Махрамомъ явился къ генералу Кауфману главный вождь движенія, мулла Иса-вуліе. Затѣмъ послѣдовательно, одинъ за другимъ, явились съ повинною всѣ предводители коканскаго войска [2]) и сановники хана. Самъ ханъ, Сеидъ-Мухамедъ-Насыръ-Этминъ, покорно встрѣтилъ генерала Кауфмана подъ стѣнами Кокана и повергъ себя и все ханство свое къ стопамъ Государя Императора, моля о пощадѣ и прощеніи.

[2]) Кромѣ Абдурхмана-автобачи.

Во все время движенія отъ Махрама до Кокана и далѣе, до Маргелана, жители попутныхъ кишлаковъ встрѣчали русскія войска вполнѣ довѣрчиво, съ хлѣбомъ-солью Глядя со стороны, трудно было предположить, что это наступаетъ отрядъ по непріятельской сторонѣ. Вездѣ, по сторонамъ дороги, по которой шло русское войско, жизнь текла своею обычною, обыденною колеей; жители занимались полевыми работами, какъ въ самое мирное время. По пути встрѣчались арбы, нагруженныя разнымъ имуществомъ, и одиночные пѣшеходы. За заборами сакель курился дымокъ: видно было, что тамъ живутъ семейные люди.

Эта картина слѣдованія русскаго отряда отъ Махрама къ Кокану можетъ служить характеристикой туркестанскихъ походовъ послѣдняго времени; таковы были походы: самаркандскій, шахрисябскій, испандер-кульскій, кульджинскій, хивинскій и нынѣшній коканскій.

Мы не задались цѣлью написать исторію или даже очеркъ похода въ Коканъ 1875 года, поэтому, мы опускаемъ разсказъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашихъ противъ скопищъ автобачи, который одно время еще думалъ дать отпоръ нашимъ войскамъ у Маргелана. Но уже одного движенія генерала Кауфмана къ этому городу достаточно было, чтобъ заставить автобачи бѣжать поспѣшно. Послѣ схватки нашихъ казаковъ въ Мин-тюбе съ арьергардомъ отряда автобачи, онъ долженъ былъ, съ нѣсколькими только джигитами, искать поспѣшно убѣжища въ ущельяхъ Кара-Кульджи, гдѣ кочуютъ его сородичи-кипчаки. Казаки наши дошли до Уша, пройдя, такимъ образомъ, все ханство по самому длинному его измѣренію.

Такъ, однимъ ударомъ уничтожена была идея фанатиковъ: поднять противъ русскихъ все мусульманское населеніе Средней Азіи. Возродится ли она еще разъ послѣ нанесеннаго ей удара?.. Можетъ быть, и возродится, но, по крайней мѣрѣ, не скоро.

Голосъ 1875. № 304.

Изъ Намангана, *27-го сентября* (*корреспонденція «Голоса»*). — Виновникомъ настоящаго коканскаго похода слѣдуетъ, какъ извѣстно, считать муллу Исса-ауліе, одного изъ бывшихъ приближонныхъ лицъ къ хану. Онъ, вмѣстѣ съ Абдурахманомъ-Автобачи, находился во главѣ партіи, враждебной русскимъ, и надѣявшейся возстановить въ Азіи прежнюю самостоятельность мусульманскихъ государей Средней Азіи. Недовольный ханомъ за его благоразумную и осторожную политику, Исса-ауліе и Абдурахманъ возбудили возстаніе противъ Худояра-хана и вынудили его бѣжать въ русскіе предѣлы. Тотчасъ же, вслѣдъ за изгнаніемъ Худояра-хана, объявлена была въ Коканѣ священная война противъ невѣрныхъ.

Но фанатическій порывъ Абдурахмана и другихъ вождей возстанія скоро былъ подавленъ. Въ первой же, серьёзной встрѣчѣ съ русскими войсками, скопища Абдурахмана были разбиты на-голову, подъ Махрамомъ. Населеніе ханства, нисколько несочувствовавшее затѣѣ Абдурахмана, и явно увидѣвшее его безсиліе и ничтожество, поспѣшило заявить свою преданность и покорность русской власти. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ безъ боя занялъ Коканъ и былъ покорно встрѣченъ новопоставленнымъ ханомъ Сеидомъ-Мохамедомъ-Насыромъ-Этдиномъ.

Газатъ, т. е. священная война противъ невѣрныхъ, которую думали-было возбудить вожди инсурекціи, была, такимъ образомъ, подавлена въ самомъ зародышѣ, и въ этомъ отношеніи махрамская побѣда имѣетъ огромное значеніе для будущаго нашихъ туркестанскихъ владѣній. Послѣ этого пораженія Абдурахманъ-Автобачи могъ вести войну только при помощи своихъ сородичей, неспокойныхъ кипчаковъ, которые въ войнѣ и во всевозможныхъ смутахъ видятъ только средство къ грабежу и легкой наживѣ. Но силъ однихъ кипчаковъ было, очевидно, недостаточно для борьбы съ русскими, которые уже нанесли главѣ кипчаковъ, Абдурахману, такое полное пораженіе еще въ то время, когда онъ былъ на верху своей силы, какъ первое лицо въ ханствѣ. Абдурахманъ-Автобачи не явился съ повинной къ генералу Кауфману, въ то время, когда явились съ полнымъ раскаяніемъ и ханъ, и всѣ его сановники, не исключая и вождей возстанія.

Чтобъ нанести послѣдній ударъ Автобачи, который со своими скопищами стоялъ у города Маргелана, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся къ этому городу. Извѣстно было, что скопище Автобачи простирается до 10 тысячъ человѣкъ. Но одного приближенія русскаго отряда, подъ личнымъ начальствомъ генерала Кауфмана, уже было достаточно, чтобъ заставить Автобачи снятся со своей позиціи и бѣжать поспѣшно къ Ассаке, въ сторону кипчакскихъ, сплошныхъ кочевокъ.

8-го сентября командующій войсками, генералъ Кауфманъ прибылъ въ Маргеланъ, гдѣ жители приняли его съ покорностью; въ ту же ночь отправленъ былъ для преслѣдованія Автобачи летучій отрядъ изъ шести казачьихъ сотенъ, двухъ ротъ пѣхоты и четырехъ орудій, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Скобелева, уже памятнаго кипчакамъ по махранской битвѣ.

Полковникъ Скобелевъ быстро двинулся къ горамъ и въ кишлакѣ Мин-тюбе успѣлъ настигнуть аріергардъ отступавшаго скопища кипчаковъ. Казаки, подъ начальствомъ подполковника Адеркаса, ворвались въ кишлакъ. Въ тѣсныхъ улицахъ, посреди густыхъ клубовъ поднявшейся пыли, началась отчаянная схватка нашихъ казаковъ съ кипчаками. Черезъ нѣсколько минутъ, четыре значка и нѣсколько арбъ съ имуществомъ были въ рукахъ казаковъ. Автобачи съ передовымъ отрядомъ своихъ кипчаковъ успѣлъ еще наканунѣ вечеромъ уйти изъ Мин-Тюбе на свѣжихъ лошадяхъ. Преслѣдовать

его на утомленныхъ казачьихъ лошадяхъ, которыя сдѣлали восемьдесять верстъ въ теченіи девяти часовъ, безъ привала, было немыслимо, и потому подполковникъ Адеркасъ, пройдя еще пять верстъ за кишлакъ, остановилъ свои сотни.

Но и безъ преслѣдованія непріятеля, дѣло въ Мин-Тюбе имѣло огромное нравственное вліяніе на кипчаковъ. Ударъ, нанесенный имъ подполковникомъ Адеркасомъ, былъ настолько силенъ и рѣшителенъ, что, послѣ лихой схватки въ Мин-Тюбе, скопище Автобачи буквально разсѣялось, какъ дымъ. Еще наканунѣ подъ его значками было до 5,000 человѣкъ, а на другой день, послѣ мин-тюбинской схватки, онъ имѣлъ уже только 500 джигитовъ и четыре орудія, съ которыми и отступалъ поспѣшно къ Ушу; тамъ, въ средѣ кочевниковъ-кипчаковъ, онъ надѣялся скорѣе найти пріютъ и поддержку, чѣмъ среди осѣдлаго, несочувствующаго его замысламъ населенія.

Чтобъ довершить ударъ, уже нанесенный кипчакамъ, полковникъ Скобелевъ рѣшилъ двинуться ближайшею дорогой къ Ушу: онъ хотѣлъ, во что бы ни стало, не допустить Автобачи занять этотъ городъ, считающійся какъ бы столицей кипчакскаго населенія. При преслѣдованіи подобныхъ скопищъ, каковы были джигиты Автобачи, необходимы два главныя качества: рѣшительность и неутомимость. Въ ночь съ 9-го на 10-е сентября, полковникъ Скобелевъ двинулся отъ Мин-Тюбе въ Наймане-кишлакъ и здѣсь, собравъ точныя и подробныя свѣдѣнія о направленіи, по которому двинулся Автобачи, началъ снова свое энергическое преслѣдованіе. Автобачи, спасаясь отъ казаковъ, ежеминутно готовыхъ его настигнуть, бросилъ на дорогѣ три орудія, которыя и были подобраны казаками. 10-го сентября, городъ Ушъ сдался безъ боя казакамъ полковника Скобелева.

Во время бѣгства по дорогѣ къ Ушу, разошлось и послѣднее скопище Автобачи; при немъ осталось только 100 человѣкъ, съ которыми онъ и бросился къ Кара-су. Жители этого кишлака вовсе не ожидали увидѣть среди себя предводителя кипчаковъ, еще недавно гордаго и грознаго, а теперь спасающагося бѣгствомъ, какъ преступникъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сильнѣе всѣхъ пораженій былъ ударъ, нанесенный самолюбію гордаго кипчака, который, при своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ, принужденъ былъ даже бросить свой извѣстный мекккскій значокъ. Значокъ этотъ, изъ куска шелковой матеріи, которую онъ получилъ въ Меккѣ, при гробѣ Мо-

ханеда, Автобачи поклялся сдѣлать знаменемъ священной войны противъ невѣрныхъ. Эта война была покончена однимъ ударомъ, нанесеннымъ скопищу Автобачи подъ Махрамомъ, и затѣмъ преслѣдованіе послѣднихъ остатковъ, нѣкогда многочисленныхъ скопищъ Автобачи уничтожило послѣдніе слѣды обаянія, которымъ онъ еще недавно пользовался въ народѣ.

13-го сентября, полковникъ Скобелевъ возвратился изъ Уша въ Маргеланъ и присоединился къ главнымъ силамъ русскаго отряда, а 23-го сентября былъ подписанъ ханомъ Насыр-Этдиномъ и генерал-адъютантомъ фон-Кауфманомъ мирный договоръ съ Коканомъ.

Всѣхъ тѣхъ коканскихъ сановниковъ, которые являлись въ русскій лагерь съ изъявленіемъ покорности, командующій войсками, генералъ Кауфманъ, принималъ ласково и объявлялъ имъ свою милость и прощеніе. Приняты были ласково и оставлены безъ всякаго наказанія даже такіе вожди возстанія, какъ мулла Исса-ауліе и Хааликъ-Назаръ, задумавшіе весь переворотъ въ Коканѣ и подстрекавшіе своими воззваніями къ возстанію нетолько мусульманское населеніе ханства, но и тузем-цовъ Ходжента, Курамы и Ташкента. Исса-ауліе и Хааликъ-Назаръ, главные пособники Автобачи, были прощены только потому, что явились къ генералу Кауфману съ покорностью.

Но скоро оказалось, что, на ряду съ гуманными мѣрами, необходимы и примѣры строгости надъ тѣми, кто сознательно противодѣйствуетъ нашимъ цѣлямъ и намѣреніямъ и вредно вліяетъ на молодого, еще неопытнаго хана. Одною изъ такихъ вредныхъ личностей оказался мулла Исса-ауліе. Его хитрыя рѣчи оказывали самое вредное вліяніе на всѣхъ окружающихъ; въ совѣтѣ, который ханъ собралъ наканунѣ дня, когда мирный договоръ долженъ былъ быть подписанъ, Исса-ауліе, въ присутствіи двухъ русскихъ чиновниковъ, осмѣлился говорить дерзости хану. Этому должно было положить конецъ. Главный начальникъ войскъ призвалъ въ лагерь хана и всѣхъ его сановниковъ и, выяснивъ хану и всѣмъ его окружающимъ то зловредное вліяніе, которое оказываютъ нѣкоторые изъ близкихъ къ хану лицъ, приказалъ арестовать и немедленно же отправить, чрезъ Ташкентъ, въ Россію: муллу Исса-ауліе, Зульфакара-бека *) и Мамута-хана-тюра. тѣхъ

*) Онъ былъ главнымъ начальникомъ шаекъ, вторгшихся изъ Кокана въ Кураминскій Уѣздъ.

главныхъ лицъ, волновавшихъ народъ и пытавшихся возстановить его противъ русскихъ.

Арестъ и высылка изъ Кокана трехъ главныхъ виновниковъ мятежа, возбуждавшихъ и въ послѣднее время хана и народъ къ враждѣ и неповиновенію, произвели самое благотворное дѣйствіе. Замѣчательно, что многіе изъ окружавшихъ хана, во время рѣчи генерала Кауфмана, громко изъявляли свою радость и одобреніе. Это были тѣ благоразумные люди, которые нисколько не сочувствовали замысламъ и плапамъ кипчакской партіи и желали только одного: мира и спокойствія въ своей странѣ.

Мирный договоръ, заключонный 23-го сентября съ коканскимъ ханомъ, въ свое время будетъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе. Одною изъ статей этого договора постановлено: занятіе русскими войсками, впредь до высочайшаго соизволенія, земель по правому берегу Сыр-Дарьи и Нарына, т. е. такъ-называемый Наманганскій Округъ, заключающій въ себѣ шесть отдѣльныхъ бекствъ. Съ занятіемъ наманганскаго района, мы пріобрѣтаемъ огромныя выгоды. Наманганъ расположенъ въ исходящемъ углѣ, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ: Нарына и Сыр-Дарьи, которая здѣсь течотъ подъ именемъ Кара-Дарьи. Новозанятый нами пунктъ, такимъ образомъ, весьма близко расположенъ къ Кокану.

Занятіе русскими войсками Намангана вызвало общую радость во всемъ наманганскомъ населеніи, которому давно уже плохо приходилось отъ безпрерывныхъ смутъ и грабежей кипчаковъ и киргизовъ. Всѣ волненія, возникавшія до сего времени въ Коканскомъ Ханствѣ, разрѣшались въ Наманганскомъ Округѣ, благодаря его близости къ кочевьямъ кипчаковъ и киргизовъ. Кипчакское возстаніе прошлаго года также было подавлено разгромомъ силъ инсургентовъ въ ущельѣ Ала-бука, между Наманганомъ и Кассаномъ. Наманганцы, поставленные, такимъ образомъ, между двухъ огней, естественно, желали, во что бы то ни стало, выйти изъ своего тяжолаго положенія. Поэтому, можно вѣрить искренности словъ старика Казы-Каляна, который, встрѣчая генерал-адъютанта фон-Кауфмана на правомъ берегу Сыр-Дарьи, въ наманганскихъ предѣлахъ, высказалъ, отъ имени всего народа, радость и благодарность генералу Кауфману за то, что онъ *навсегда избавилъ ихъ отъ разбойниковъ*. Для мирныхъ намангапцовъ, дѣйствительно, одинаково были разбойниками, какъ кипчаки и киргизы, такъ и коканскіе сарбазы, сражавшіеся въ прошломъ году съ кипчаками подъ начальствомъ Абдурахмана-Автобачи.

Наманганцы нетолько на словахъ, но и на дѣлѣ доказали свою радость и сочувствіе русскимъ. Еще въ то время, когда русское войско стояло у Маргелана и мирный договоръ съ ханомъ еще не былъ подписанъ, была прислана изъ Намангана въ русскій лагерь депутація изъ старшинъ и почотныхъ лицъ города. Генералъ Кауфманъ ласково принялъ ихъ и, оставивъ двухъ изъ наманганскихъ старшинъ при отрядѣ, остальныхъ, съ подарками, отпустилъ домой, поручивъ передать народу, чтобъ жители наманганскаго района жили спокойно, занимались своимъ дѣломъ и не слушали злыхъ людей. Когда уже мирный договоръ былъ подписанъ, командующій войсками отпустилъ въ Наманганъ двухъ, задержанныхъ при отрядѣ депутатовъ, и приказалъ имъ объявить народу, что отнынѣ Наманганскій Округъ находится подъ русскою властью и что, съ этого дня, всѣ подати должны быть вносимы въ русскую казну. Отвѣтомъ на это, радостное для наманганцовъ извѣстіе, былъ слѣдующій адресъ, присланный жителями Намангана генерал-адъютанту фон-Кауфману, во время стоянки отряда при Яз-даванъ, на переходѣ отъ Маргелана къ Намангану:

«Достопочтенному, могущественному, щедрому и милостивому высокостепенному генерал-губернатору, ярымъ-падшѣ.

«Преданнаго вашего слуги, желающаго вамъ здоровья и исполняющаго ваши приказанія Ташбоя-Бабаджанбаева.

Докладываю вамъ, что, вслѣдствіе милостиваго вашего приказанія, я благополучно прибылъ въ Наманганъ. Объявилъ я бумагу съ вашею печатью, въ которой милостиво выражено ваше вниманіе старшимъ и младшимъ почотнымъ лицамъ, казіямъ, аглямамъ, имамамъ, купцамъ и всѣмъ жителямъ. Всѣ они очень обрадовались, прочитавъ вашу милостивую бумагу, подносили къ глазамъ (знакъ глубокаго уваженія) и вознесли молитвы за великаго Бѣлаго Царя, зато, что ихъ, несчастныхъ, угодно было великому Бѣлому Царю принять въ свое подданство; большинство ихъ прослезилось, и много, много благодаря васъ, высокій нашъ ярымъ-падша. старшіе и младшіе остались весьма довольны зато что я привезъ имъ такое извѣстіе.

«Окрестные жители, какъ-то: Чартака, Наукента, Косана, Чуста (Тусъ), до Хуррама-сарая и всѣхъ другихъ кишляковъ, подвластныхъ Бабадархану и Намангану, также всѣ улемы благодарили васъ, ярымъ-падша, за такую милостивую бумагу съ печатью. Всѣ почотные и уважаемые люди, соображаясь со средствами, готовятъ вамъ приношеніе (*тартунъ*) и скоро выѣдутъ къ вамъ на встрѣчу. Порученіе ваше, данное мнѣ, жители радостно исполняютъ и поспѣшно доставили на берегъ 300 арбъ хлѣба, клевера, ячменя и все, что требуется, и сверхъ того, лодки, находившіяся по близости, собрали и приготовили. Сверхъ того, и на тотъ

берегъ, у Мин-булака и къ озеру выслали хлѣба, клеверу и ячменя, а также въ 24-хъ глиняныхъ кувшинахъ воды.

«Мы накрѣпко опоясались служить вамъ и исполнять ваши приказанія; мы ждемъ теперь съ нетерпѣніемъ, дорогихъ для насъ, вашихъ повелѣній. Исполняя ваше приказаніе, я собираю книги и тетради. Богъ дастъ — все это я исполню усердно; Богъ мнѣ въ этомъ поможетъ».

Къ этому адресу нѣкоторыя лица приложили печати, другія — подписались.

Наманганцы сдѣлали все, что могли, для того, чтобъ облегчить русскому отряду движеніе къ Намангану. На большой, безводный переходъ (31 верста) отъ Яза-давана къ Мин-булаку (переправа на правый берегъ Сыръ-Дарьи) наманганцы, выслали 120 арбъ, на которыя и были посажены особенно утомившіеся солдаты; къ мѣсту привала были высланы кувшины съ водой, а къ переправѣ отправлено сорокъ тысячъ лепешекъ для раздачи русскому отряду. Замѣтимъ, что все это было сдѣлано добровольно, по собственному почину, безъ постороннихъ внушеній. Послѣ этого, вполнѣ естественно было повѣрить и искренности словъ казы-каляна, который благодарилъ главнаго начальника русскихъ войскъ «за избавленіе ихъ края отъ разбойниковъ».

Встрѣча наманганцами главнаго начальника русскихъ войскъ была особенно радушна и блистательна. На берегу Дарьи, у самой переправы, былъ раскинутъ большой шатеръ, съ достарханомъ (угощеніемъ). Дорога отъ шатра до берега была вся устлана шолковыми и полушолковыми тканями. Во все время, когда генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ шолъ отъ берега къ шатру, его осыпали серебряными деньгами.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ благодарилъ собравшихся къ переправѣ представителей народа за радушную встрѣчу, увѣщевалъ жить по закону, не слушать совѣтовъ злыхъ людей и всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, говорить правду. «На томъ берегу Дарьи я встрѣтилъ много лжи и неправды; надѣюсь, что здѣсь этого не будетъ», говорилъ начальникъ края. «Русскій законъ требуетъ, чтобъ каждый жилъ мирно, по совѣсти, молился, работалъ и богатѣлъ. Пусть каждый изъ васъ и живетъ такъ, какъ того требуетъ законъ, молится Богу такъ, какъ его научили отцы. Богъ единъ; и русскіе, и мусульмане всѣ молятся одному Богу, и русскій законъ не насилуетъ ничьей совѣсти, не требуетъ, чтобъ молились Богу такъ, а не иначе. Онъ требуетъ только доброй, справедливой жизни».

Когда весь отрядъ переправился на правый берегъ Сыр-Дарьи, провозглашено было русское «ура» за здравіе Государя Императора. «Перекрестись, ребята!» сказалъ генералъ Кауфманъ, обращаясь къ толпившимся кругомъ него войскамъ: «мы теперь уже на *своей* землѣ, и дай Богъ, чтобъ и здѣсь прошла о насъ, изъ конца въ конецъ, добрая слава!»

Повторимъ же и мы, въ заключеніе, эти слова главнаго начальника нашего края.

Голосъ. 1876 г. № 16

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

15-го апрѣля 1876.

Среди полнаго спокойствія, которымъ пользовалось туркестанское генералгубернаторство со времени славнаго хивинскаго похода, неожиданно для всѣхъ, Россія была вовлечена, лѣтомъ прошлаго года, въ кровавую борьбу съ нѣкоторыми родами среднеазіатскихъ узбековъ и во главѣ ихъ съ кипчаками и кара-киргизами. Борьба эта, продолжительная и упорная, стоила намъ значительныхъ жертвъ и хотя ведена была близъ нашихъ границъ, недалеко отъ прочно занятыхъ нами осѣдлыхъ пунктовъ Туркестана, но вывела изъ нашего строя гораздо болѣе офицеровъ и низшихъ чиновъ, чѣмъ хивинская экспедиція 1873 года.

Въ сравненіе съ коканской экспедиціей не можетъ идти ни одна изъ предъидущихъ экспедицій Средней Азіи. Въ 1875 году можно было убѣдиться, что борьба происходитъ не съ ханомъ или эмиромъ, изъ политическихъ видовъ отстаивающаго свою независимость, а съ народными страстями, съ фалитазированнымъ и наэлектризованнымъ мусульманскимъ населеніемъ, что несравненно опаснѣе. Когда мы занимали форты на Сыр-Дарьѣ и укрѣпленные пункты въ земляхъ киргизовъ Большой Орды, ханы Средней Азіи вели борьбу съ нами единственно для огражденія своихъ родовыхъ владѣній отъ внѣшняго завоеванія иноземцами. Когда же мы заняли Ташкентъ и Самаркандъ и прочно укрѣпились въ населенныхъ мѣстахъ Туркестана, подчинивъ своимъ порядкамъ и своей власти искони мусульманскія страны, въ Средней Азіи явилась новая причина для борьбы съ нами—населеніе начало желать отдѣлаться отъ непрошеннаго гостя, наложившаго свою сильную руку на традиціонные и любимые имъ порядки. Самые вліятельные классы населенія, духовенство и сборщики податей, сразу потерявшіе свое политическое значеніе, помощью котораго они наживались и правили народомъ, покорившись, по наружности, новой силѣ, возненавидѣли ее отъ глубины своего сердца. Оставаясь спокойными въ первые годы нашихъ завоеваній осѣдлыхъ оазисовъ, они съ теченіемъ времени освобождались отъ страха, который овладѣлъ ими въ концѣ 60-хъ годовъ, и начали глухую, страшную вражду противъ русской власти и дѣйствовали на народныя массы.

Еще до начала нашей борьбы съ кипчаками существовали нѣкоторые признаки этой затаенной борьбы. Обнаружены были даже нѣкоторые факты, указывающіе, что

борьба эта предпринята была энергически и систематически. Въ 1871 году, близъ самаго Ташкента было произведено смѣлое и въ высшей степени дерзкое нападеніе на почтовую русскую станцію шайкой разбойниковъ. Слѣдствіе хотя и не обнаружило особыхъ причинъ этого нападенія, но послѣдующія изслѣдованія доказали, что дѣло это нельзя отнести къ обыкновеннымъ разбойничьимъ предпріятіямъ, что оно произошло отъ какого-то тайнаго заговора, нити котораго были протянуты отъ восточныхъ предѣловъ Коканскаго Ханства черезъ Ташкентъ, Самаркандъ и въ Бухару. Одновременно съ этимъ происшествіемъ въ долинѣ Зеравшана, недалеко отъ Самарканда, вдругъ съ разныхъ сторонъ появились три разбойничьи шайки. Высшіе власти Туркестана получали въ то время разныя свѣдѣнія о какомъ-то таинственномъ лицѣ, называвшемся народомъ *дуана*, который, будто, руководилъ движеніемъ народныхъ массъ Средней Азіи. Лицо это розъискивалось и въ Коканѣ, и въ Шагрисябзѣ, и коканскій ханъ Худояръ получилъ даже по поводу этого лица запросъ изъ Ташкента. Какія цѣли имѣло это лицо, кѣмъ оно было, какія средства оно имѣло и какими способами хотѣло дѣйствовать — это по сіе время остается покрыто мракомъ неизвѣстности. Несомнѣнно, что этотъ *дуана* — лицо духовное, несомнѣнно также, что однимъ изъ средствъ своихъ дѣйствій оно избрало фанатизированіе массъ противъ невѣрныхъ, т. е. насъ, русскихъ. Къ сожалѣнію, этотъ фактъ остался по сіе время неизслѣдованнымъ, а матерьялы, собранные о немъ хранятся еще въ тайнѣ. Мы по настоящее время еще не предприняли въ Туркестанѣ систематическаго изслѣдованія разныхъ сектъ мусульманскихъ, не позаботились поглубже взглянуть, чѣмъ руководится тамошнее населеніе въ своей нравственной жизни, чего оно желаетъ, къ чему стремится, кому вѣритъ и на что надѣется. Такія изслѣдованія раскрыли бы передъ нами новый міръ и мы ясно увидѣли бы причины кипчакской борьбы. Новый и страшный врагъ нашъ — народный фанатизмъ, при подобныхъ изслѣдованіяхъ, сталъ бы намъ извѣстенъ; вести же борьбу съ извѣданнымъ врагомъ гораздо легче, чѣмъ съ таинственнымъ.

Это видимъ мы изъ неоконченной еще борьбы нашей съ кипчаками и кара-киргизами. Событія этой борьбы чрезвычайно ярко обрисовываютъ всю опасную сторону народной борьбы и показываютъ, что съ ханомъ и другими владѣтелями Средней Азіи несравненно легче справиться, чѣмъ даже съ малочисленнымъ,

но фанатизированнымъ населеніемъ клочка этой части Азіи.

Обратимся къ этимъ событіямъ. Читателямъ «Голоса» извѣстны причины кровавой ненависти кипчаковъ къ бывшему коканскому хану Худояру-хану *). Униженное и забитое въ 50-хъ годахъ, кипчакское населеніе уже въ началѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія показало, что оно еще живуче и съ одинаковою ненавистью смотритъ на своего хана-деспота. Занятіе Ташкента русскими и дальнѣйшія военныя наши дѣйствія успокоили на нѣкоторое время народныя страсти Кокана. Страсти успокоились подъ вліяніемъ временного магическаго страха передъ грозною русскою военною силой. Въ 1873 году, во время хивинскаго похода, кипчаки и ихъ союзники, кара-киргизы, начали возстаніе противъ своего хана. Возстаніе это, усмиренное ханомъ, повторилось съ бо́льшею силой въ 1874 году, но усмирено было снова. Въ іюлѣ 1875 года, начались новыя смуты, на этотъ разъ достигшія своей первоначальной цѣли. Ханъ Худояръ съ позоромъ былъ изгнанъ изъ ханства и бѣжалъ подъ защиту русскихъ штыковъ. На ханство возведенъ былъ безхарактерный сынъ Худояра, Насыръ-Эддинъ. Казалось, цѣль была достигнута: на ханствѣ не было болѣе ненавистнаго узбекамъ Худояра. Дальнѣйшія событія показали, что цѣль эта была лишь средствомъ къ другой, болѣе важной и священной цѣли мусульманъ — къ изгнанію русскихъ изъ Туркестана.

Руководителями возстанія были Абдрахманъ-автобачи, сынъ знаменитаго регента ханства, воспитателя Худояра, Мусульмана-Кули, и мулла Исса-Ауліе́. Посадивши на ханство Насыря-Эддина, они стали настоящими правителями ханства и заставили тотчасъ же написать письмо генералу-адъютанту фон-Кауфману 1-му, который и отвѣтилъ, съ какими условіями онъ признаетъ совершившійся переворотъ въ ханствѣ. Но этотъ актъ дипломатіи со стороны кипчаковъ былъ хитростью: они хотѣли собраться съ силами и имѣть въ своемъ распоряженіи хоть нѣсколько недѣль времени. Дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ, изъ Кокана была послана масса прокламацій, призывающихъ туземцовъ нашихъ областей на священную борьбу съ невѣрными. Такимъ образомъ былъ объявленъ газаватъ—самое существенное наставленіе корана, высоко чтимаго мусульманами. Народныя страсти заговорили. Для поддержанія силы проклама-

*) См. № 243-й 1875 года.

ціи, изъ Кокана были высланы шайки, перешедшія наши границы и вторгшіяся въ уѣзды Кураминскій и Ходжентскій. Почтовыя сообщенія Ташкента съ Ходжентомъ и этого города съ Ура-Тюбе были прерваны. Значительныя шайки подошли къ Ташкенту, не доходя до него всего 70 верстъ. Ходжентъ былъ обложенъ коканцами. Въ Ташкентѣ начала распространяться паника. Тузем-цы нашего Кураминскаго Уѣзда, при появленіи въ средѣ ихъ комисаровъ, приглашавшихъ къ газавату, отвѣтили, какъ гласитъ официальное описаніе коканской экспедиціи**), что «они возстанутъ, если только коканцы разобьютъ русскихъ». При вторженіи же непріятельскихъ шаекъ въ наши предѣлы, жители пограничныхъ кишлаковъ, намъ подданные, вступили въ непріятельскіе ряды. Положеніе дѣлъ становилось серьёзное. Намъ грозило народное возстаніе. Но, благодаря распорядительности ташкентскаго начальства, опасность миновала—шайки были разбиты на-голову. Ходжентъ съ мужествомъ оборонялся и русскій гарнизонъ разбилъ нападавшихъ. Для усиленія обороны Ташкента, изъ котораго выступила часть войскъ въ походъ къ Ходженту, были собраны безсрочно-отпускные, числомъ до 600 человѣкъ, а изъ приходящихъ въ городъ партій молодыхъ солдатъ сформированы вооружонныя команды.

Войскамъ, шедшимъ къ Ходженту изъ Ташкента и Нау (между Ура-Тюбе и Ходжентомъ), пришлось имѣть дѣло съ непріятелемъ. Такимъ образомъ, руководители возстанія Коканскаго Ханства перенесли свою дѣятельность на нашу территорію.

19-го августа, отрядъ, назначенный для дѣйствія противъ Кокана, былъ собранъ въ Ходжентѣ. Этимъ закончился первый періодъ кампаніи, имѣвшій характеръ оборонительный.

20-го августа, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й предпринялъ наступленіе къ Махраму, гдѣ собралась многочисленная армія непріятеля, въ числѣ которой, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, однихъ конныхъ кипчаковъ и кара-киргизовъ было до 50,000. 22-го августа, непріятель потерпѣлъ страшное пораженіе. Абдрахманъ-автобачи и всѣ главные вожди возстанія были предводителями этой арміи. «Побѣда имѣла значеніе—читаемъ мы въ официальномъ донесеніи—и въ томъ отношеніи, что тамъ (Махрамъ) собраны были вождями

**) «Военный Сборникъ», №№ 1-й и 2-й. «Военныя дѣйствія противъ коканцовъ», за 1875 годъ. (По официальнымъ донесеніямъ).

движенія всѣ наличныя силы и большія средства, которыми они располагали для борьбы съ нами». Западная часть Коканскаго Ханства успокоилась. Генералъ Кауфманъ издалъ прокламацію, увѣщевая жителей оставаться спокойными. На другой день въ отрядъ начали стекаться депутаціи изъ разныхъ мѣстъ ханства съ изъявленіемъ покорности. По дорогѣ къ Кокану, главный начальникъ войскъ получилъ письмо отъ Насыра-Эддина, въ которомъ ясно обнаружилось все ничтожество новаго хана. Съ посольствомъ явился и Исса-Ауліе. Вскорѣ, именно 29-го августа, Коканъ былъ занятъ нашими войсками безъ выстрѣла. Послѣдніе переходы войскъ до Кокана были торжественнымъ шествіемъ, такъ какъ населеніе встрѣчало русскихъ съ большимъ почетомъ. Казалось, дѣла коканскія были покончены; столица въ нашихъ рукахъ, ханъ въ нашемъ лагерѣ; махрамская побѣда была эхомъ въ долинѣ Ферганы; Исса-Ауліе лишонъ возможности пропагандировать газаватъ; Абдрахманъ-автобачи бѣжалъ изъ подъ Махрама всего съ 3,000 всадниками и скрывался близъ горъ. Еслибъ борьба происходила съ ханомъ, имѣвшимъ значеніе въ глазахъ народа, то, по всей вѣроятности, махрамскою побѣдой и занятіемъ Кокана экспедиція достигла бы главныхъ своихъ цѣлей. Но дѣла имѣли иной характеръ. На сцену появились иныя причины. Борьба происходила не съ ханомъ, а съ народнымъ движеніемъ, которое не такъ легко подавить... Руководителемъ возстанія былъ человѣкъ энергическій и фанатикъ, умѣвшій воодушевить массу, сплотившій вокругъ себя людей одинаковато съ нимъ закала и неотчаявшійся послѣ перваго пораженія. Убѣжденный, что на сторонѣ его праваго дѣла стоитъ самъ пророкъ, представитель кипчаковъ питалъ надежду на то, что правое дѣло его восторжествуетъ.

Хотя войска наши занимали Коканъ и занятая часть ханства изъявила покорность, но города восточной половины ханства не высылали депутацій въ русскій лагерь. Точно также дѣйствовалъ и Намангань. 31-го августа, получено было письмо отъ Абдрахмана и 70-ти представителей кипчаковъ, кара-киргизовъ и другихъ узбековъ, въ которомъ просилось о дарованіи имъ и ихъ народамъ того же спокойствія, которымъ пользовался Коканъ. На предложеніе явиться въ Коканъ Абдрахманъ отвѣтилъ сборомъ новыхъ военныхъ силъ. Гене-

ралъ - адъютантъ фон - Кауфманъ 1 - й, 5-го сентября, выступилъ изъ Кокана въ Маргеланъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ, Абдрахманъ сосредоточилъ до 10,000 конницы; 8-го сентября отрядъ остановился у города. Кипчаки бѣжали черезъ Ассаке къ горамъ; летучій отрядъ преслѣдовалъ его черезъ этотъ городъ, кышлакъ Мин-Тюбе, затѣмъ зажогъ городъ Ушъ. У Абдрахмана осталось всего 100 вооружонныхъ людей. Онъ очутился въ отчаянномъ положеніи. Это было 10-го сентября. Къ генералу Кауфману выслали депутацію почти всѣ города восточной части Кокана.

Въ ханствѣ водворилось спокойствіе. На этотъ разъ русскіе военачальники были убѣждены, что все покончено и остается лишь устроить внутреннія дѣла Кокана, а, затѣмъ, отправить побѣдоносныя войска на отдыхъ, на постоянныя квартиры. Въ Маргеланъ былъ приглашонъ Насыръ-Эддинъ. По заключеніи съ нимъ мирнаго договора, генералъ Кауфманъ перешолъ Сыр-Дарью и расположился въ Наманганѣ.

Между тѣмъ, мы горько ошибались. Энергическій Абдрахманъ снова поднялъ знамя и еще разъ провозгласилъ священную войну. За него стала вся восточная часть ханства. Центромъ возстанія былъ Андиджанъ. На помощь вожаку кипчаковъ явился каракиргизъ Пулатъ-бекъ, провозглашонный узбеками ханомъ Кокана. Чтобъ уничтожить новый центръ возстанія, генералъ-адъютантъ фон-Кауфманъ 1-й немедленно отправилъ въ Андиджанъ отрядъ войскъ, подъ начальствомъ свиты Его Величества генерала-майора Троцкаго. Послѣ упорнаго сопротивленія, городъ былъ взятъ штурмомъ; непріятель понесъ огромныя потери. Вслѣдъ затѣмъ, отрядъ генерала Троцкаго произвелъ ночное нападеніе на лагерь Пулата-бека. Непріятель былъ разсѣянъ и все его оружіе досталось намъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ побѣдъ генерала Троцкаго, именно 9-го октября, въ городѣ Коканѣ вспыхнула новая революція. Насыръ-Эддинъ бѣжалъ въ Ходжентъ подъ защиту русскихъ.

Такимъ образомъ, партія борьбы не падала духомъ и силой уничтожала то, что было устроено нами.

Несмотря на все нежеланіе присоединять къ имперіи новую область, генералъ-адъютантъ фон-Кауфманъ нашолъ, однако, нужнымъ временно занять правый берегъ Сыр-Дарьи

и образовалъ изъ земель этого берега Наманганскій Отдѣлъ, управленіе которымъ ввѣрилъ свиты Его Величества генералу-майору Скобелеву. Оставивъ въ его распоряженіи сильный и самостоятельный отрядъ, генералъ Кауфманъ съ прочими войсками отошолъ къ Ходженту.

Между тѣмъ, волненіе не утихало. Въ концѣ октября, были прерваны сообщенія наманганскаго отряда съ Ташкентомъ и Ходжентомъ. Генералъ-майоръ Скобелевъ выступилъ къ западу отъ Намангана съ частью войскъ и 23-го октября, разбилъ непріятельскія скопища. Пока это дѣло происходило, жители Намангана произвели возмущеніе и осадили оставшіяся въ крѣпости наши войска.

27-го октября, генералъ Скобелевъ выручилъ крѣпость, которую блистательно защищали русскіе въ теченіи трехъ сутокъ, и жестоко наказалъ непріятеля. Наманганскій Округъ успокоился; но не успокоились кипчаки лѣваго берега, и собирались снова значительныя силы близь города Балыкча. Генералъ Скобелевъ, получивъ достовѣрныя о томъ извѣстія, перешолъ съ частью отряда на лѣвый берегъ и близь Балыкча нанесъ непріятелю страшное пораженіе, овладѣвъ всѣми собраннымъ тамъ запасами.

Руководители возстанія, тѣмъ неменѣе, не унывали. Рядъ пораженій и, притомъ, самыхъ сильныхъ, какъ будто, не убѣдилъ кипчаковъ въ нашей силѣ. Борьба принимала грозные размѣры. Кипчаки боролись за свою идею, которую съ такою энергіей проповѣдывалъ Абдрахманъ. Весь лѣвый берегъ верхней части Сыр-Дарьи былъ въ анархіи. Мы заняли оборонительное положеніе.

Чтобъ окончить борьбу съ кипчаками, генералъ Кауфманъ, уѣзжая въ Петербургъ, приказалъ начальнику наманганскаго отряда, въ концѣ декабря, съ сильнымъ отрядомъ произвести рекогносцировку въ центрѣ кочевій кипчаковъ, Еки-Су *) и, затѣмъ ударить на Андиджанъ или другіе пункты, гдѣ будутъ сосредоточены непріятельскія войска и уничтожить ихъ.

Приказаніе это было блистательно и точно выполнено генераломъ Скобелевымъ. 25-го декабря, Скобелевъ вышелъ съ 2,800 штыками и саблями и направился въ Еки-Су, уничтожая жилища кипчаковъ. Въ Андиджанѣ тѣмъ временемъ собрались большія силы Абдрахмана. 9-го января 1876 года, Андиджанъ былъ въ рукахъ русскихъ.

*) Междурѣчье между Нарыномъ и Кара-Дарьей.

Разбитые непріятели бѣжали къ городу Ассане. Но чрезъ нѣсколько дней въ рядахъ его было болѣе 15,000 вооружонныхъ людей. Абдрахманъ-автобачи рѣшился напасть на Андиджанъ, но Скобелевъ предупредилъ его. 18-го января, генералъ Скобелевъ атаковалъ непріятеля, расположившагося въ 1½ верстахъ отъ Ассане, и на-голову разбилъ его. 19-го января, вечеромъ, отрядъ возвратился къ Андиджану, а 20-го Абдрахманъ прислалъ къ русскимъ довѣреннаго для переговоровъ о сдачѣ. 24-го января, Абдрахманъ, признавая свое безсиліе въ борьбѣ съ русскими, сдался генералу Скобелеву. Знаменитый боецъ за господство своего народа въ Кокандѣ и за господство мусульманъ въ Средней Азіи не совладалъ со своею задачей и сдался на великодушіе своихъ заклятыхъ враговъ.

Послѣ всего этого, можно было предположить, что спокойствіе водворится въ обѣихъ половинахъ Кокандскаго Ханства. Но этого не случилось. Въ западной половинѣ ханства снова вспыхнули безпорядки. 27-го января, часть кипчаковъ и кара-киргизовъ разбила подъ Кокандомъ Насыра-Эддина, домогавшагося овладѣть своею резиденціей. Въ свою очередь, кипчаки были разбиты жителями Кокана. Въ восточной части ханства Пулатъ-бекъ произвелъ рядъ грабительствъ, но былъ, 28-го января, разбитъ нами въ Учь-Курганѣ, въ горномъ ущельѣ Алая.

Всѣ эти событія, наконецъ, произвели ожидаемое дѣйствіе. Ханство начинаетъ успокоиваться. Города шлютъ депутаціи въ русскій отрядъ.

Такова драма, разъигравшаяся, въ іюлѣ 1875 года, въ долинѣ Ферганы и продолжавшаяся до начала февраля нынѣшняго года. Никогда еще въ Средней Азіи русскимъ не приходилось испытывать такой длинной и упорной борьбы. Мы въ первый разъ столкнулись съ энергическимъ бѣйцомъ, съумѣвшимъ воодушевить населеніе, и опытомъ дознали, что бороться съ населеніемъ несравненно труднѣе, чѣмъ съ деспотами туземныхъ ханствъ.

Таковы первые признаки особаго мусульманскаго движенія, которое охватило всѣхъ мусульманъ міра *) и которое проникаетъ въ Среднюю Азію. Намъ нельзя пренебрегать этими указаніями опыта и надлежитъ серьёзно изучить это движеніе, а между тѣмъ, поставить себя въ глазахъ туземцовъ Туркестана такъ, чтобъ они ясно сознали, что мы — господа страны и способны твердо держать власть въ своихъ рукахъ. Объ этомъ мы поговоримъ послѣ.